

**СЕРГЕЙ
БОРТНИКОВ**

СТРОЮ ЖЕ?

Первый выстрел был в меня, пуля ударила в подгрудье резко и почему-то почти безболезненно, вот только ноги подкосились. Я еще не упал и не потерял сознание, поэтому, медленно оседая на асфальт, видел, как черный ствол в руке убийцы полыхнул еще дважды. Эти пули предназначались не мне — и обе попали в цель. В следующее мгновение я уже понимал, что произошло, и со смертной жаждой ожидал еще одного выстрела, еще одного удара пули, черноты — которая гораздо лучше света, в котором их не осталось...

**Право
на убийство**

Сергей Иванович Бортников
Право на убийство
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6023639

Право на убийство : роман / Сергей Бортников. : Вече; Москва; 2011

ISBN 978-5-9533-5601-5

Аннотация

Агент загадочной организации «Белые стрелы», от одного упоминания которой теряют спокойствие заправилы криминального мира, может многое себе позволить, но права на личную месть нет и у него. Однако нет правил без исключения, и тогда начинается беспощадная охота на мерзавцев...

Содержание

Часть 1. Побег	4
1	5
2	10
3	29
4	34
5	40
6	49
7	53
8	58
9	63
10	69
11	74
12	77
13	81
14	87
15	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Бортников

Право на убийство

Часть 1. Побег

...Первый выстрел был в меня, пуля ударила в подгрудье резко и почему-то почти безболезненно, вот только ноги подкосились. Я еще не упал и не потерял сознание, поэтому, медленно оседая на асфальт, видел, как черный ствол в руке убийцы полыхнул еще дважды. Эти пули предназначались не мне – и обе попали в цель.

В следующее мгновение я уже понимал, что произошло, и со смертной жадой ожидал еще одного выстрела, еще одного удара пули, черноты – которая гораздо лучше света, в котором их не осталось...

1

Если вы выйдете на станции метро «Петроградская» и проследуете по Каменноостровскому проспекту мимо скверика с памятником А.С. Попову, что напротив Дворца культуры имени Ленсовета, в направлении Аптекарского острова, то вскоре непременно упретесь в Пионерский мост через закованную в гранит речушку под названием Карповка. После моста поверните направо. Сразу за мебельной фабрикой «Интурист», слева, вы заметите старомодную арку, сквозь которую откроется панорама обычного ленинградского, простите, петербургского дворика, представляющего собой небольшую заасфальтированную площадку, ограниченную грязно-серыми корпусами дома под номером 25, в котором я провел «детство, отрочество и юность». Впрочем, и зрелость тоже.

Правда, не этим, вернее, не только этим знаменит наш дом. Перед тем, как шагнуть в арку, обратите внимание на мемориальную доску, прикрепленную сбоку от нее на серой потрескавшейся стене: «Здесь, в квартире Марии Васильевны Сулимовой, в 1917 году скрывался от преследования властей Владимир Ильич Ленин».

Следует ли уточнять, что именно в этой исторической квартире под номером восемнадцать посчастливилось жить мне?

Захватив власть, благодарные большевики поселили в квартире полдюжины семейств. После чисток и после блокады их осталось меньше. Во времена моей юности мемориальную квартиру разделяли всего четыре семейства. В мемориальных квартирах нередко тоже живут – возможно потому, что в старом Петербурге каждый дом и каждая квартира по-своему знамениты, и если в каждой квартире делать музей, то где же людям жить?

До тех пор, пока я не расселил соседей, купив для них кооперативное жилье в других районах города, это была обычная коммуналка из четырех комнат и общей кухни, главной достопримечательностью которой являлся стоявший в коридоре шкаф, через который вождь мирового пролетариата при угрозе ареста проникал в соседнюю, девятнадцатую квартиру, где пересиживал нашествие жандармов. Если же в подъезде забывали оставить шпикив, Ильич, слегка загримировавшись, незаметно выскальзывал на лестничную клетку, чтобы оттуда пробраться на чердак, или просто спускался по ступенькам во двор, совершенно не изменившийся с того времени.

То ли по особой бдительности питерского ЧК или НКВД, весьма не одобрявшей всякие лазейки, укрытия и запасные выходы (в самой свободной стране на свете, гласно или негласно считалось в те годы, граждане должны находиться под постоянным присмотром), то ли по элементарной бытовой предосторожности (квартирные кражи под десницей

самых бдительных питерских сыщиков все же случались, и нередко), то ли из-за перманентной вражды соседей, но в мое время «запасной выход», через шкаф, не действовал, хотя мне, в пацанские свои годы, очень хотелось поиграть именно так... Даже много позже, когда я уже слишком хорошо знал, что от проблем через шкаф не убежишь, все-таки оставалось какое-то зернышко детской веры, казалось, что можно пройти сквозь какую-то тайную дверь и выбраться в новый мир, в новую жизнь...

В 1997 году старый шкаф окончательно рассыпался. Рассыпалась и моя жизнь, доселе казавшаяся не только со стороны, но по большому счету и мне самому, такой безоблачной и счастливой. В сорок лет я остался без семьи: любимой жены Натальи и дочери Кристины.

В одно мгновение неизвестный киллер лишил меня счастья, моих девчонок, моих единственных, которые жили для меня, – и ради которых жил я.

Сколько раз потом я клял судьбу за то, что она пощадила меня, не дав погибнуть рядом с ними...

Сколько раз вставлял голову в петлю с твердым намерением покончить счеты с опостылевшей жизнью, – но в последний момент собирал волю в кулак и продолжал тянуть.

Я боялся смерти?

Нет.

Боялся отвратительной мучительной агонии?

Нет. Умел, научен выживать – значит, сумел бы и умереть

как надо.

Боялся, что по христианским ли, по мистическим ли теориям, которых в силу легальной своей профессии я проштудировал достаточно, самоубийство не простится мне нигде и никогда и разлука с любимыми станет действительно вечной?

Нет. У меня и так накопилось достаточно грехов.

И совсем не таких, обыденных, которые набираются у каждого взрослого человека.

Сквозь многие годы моей взрослости тянулось за мною, как шлейф, такое, что по большинству знакомых мне заветных норм считалось не прощаемым, не искупаемым, таким тяжким, что самоубийство ничего бы не прибавило и не убавило.

И все же то, что произошло со мной, я не считал воздаянием за грехи. Заповеди – не догма, а руководство к действию. Все то, что я делал все эти годы и продолжаю сейчас, я считаю правильным – по тайному, но главному счету.

Существует особая мера всех наших поступков, отличающаяся от большинства принятых норм и законов. Назвать ее порою очень трудно, а порою и вовсе невозможно. Не все написано даже в самых сокровенных книгах, быть может потому, что прочесть их может каждый. Кто угодно. Прочесть – и понять по-своему, и оправдать собственную низость.

Но это – философия, об этом я если и думал, то так, вскользь. Была одна уважительная причина, удерживающая

меня на белом свете. И эта причина – месть.

Моя жена и дочь не были отмщены, и я поклялся честью, что не уйду в небытие, пока не поквитаюсь с убийцей...

В камере я один. Хотя она рассчитана на два человека. Как и многие томящиеся в тюрьмах граждане, я считаю себя невиновным – ну, подумаешь, подровнял нос одному негодяю? Однако наши доблестные органы всегда иного мнения. А не было ли здесь злого умысла, а не превысил ли ты пределов самообороны? Для того, чтобы найти ответы на такие «непростые» вопросы, иногда им необходимо несколько месяцев. Это только дураки надеются, что все решится за пару часов. Нашим «следакам» торопиться некуда!

Питерские «Кресты» – тюрьма непростая. В основном она выполняет функции следственного изолятора «СИЗО-1», здесь ожидают отправки на этап многие уголовные авторитеты нашего города и региона. Впрочем, основной контингент спецучреждения, как и всюду, составляют вполне безобидные «мужики» да глуповатые и поэтому не способные к инициативным действиям «быки». В одиночках в целях безопасности не содержат никого, разве что приговоренных к смерти. За что мне такая «милость»?

Уже неделю я парюсь на нарах, размышляя про житейское. Наша демократическая пресса постоянно поднимает вой по поводу перегруженности тюрем, а я все семь дней один – не с кем даже перемолвиться словом, но администрация не торопится посадить ко мне напарника! Следователь Пер-

фильев, адвокат Поровский да сменяющие друг друга «вертухай» – вот и все разнообразие. Эти лица давно примелькались и ничего, кроме раздражения, не вызывают. В том числе и лисья мордашка адвоката, от которого пока я не слышал ничего, кроме набивших оскомину слов утешения: «Потерпи немного, не сегодня-завтра ты выйдешь под залог!»

Ему легко рассуждать – «немного», ведь в камере сижу я, а не он. Неужели он, проработав столько лет, еще ничего не понял и надо поменяться со мной местами, чтобы почувствовать, что даже неделя, проведенная в местах лишения свободы, – это очень много?..

Лязгнул засов, тяжелая, несокрушимая дверь камеры скрипнула и словно нехотя приоткрылась.

– Семенов, к следователю!

Снова приперся, гость долгожданный. Что ему надо на этот раз? Какие-то новые обстоятельства откроются? Может, созреет наконец, чтобы подпустить мне в камеру напарничка, да такого, чтобы несговорчивый К.Ф. Семенов не обрадовался – я же знаю, сидит подходящий в «Крестах», который день сидит в одиночке осужденный в ожидании этапа...

Закладываю руки за спину и, сопровождаемый скалоподобным контролером (слово-то какое придумали – «контролер»! – будто мы в троллейбусе без билетов катаемся!), уныло бреду по слабо освещенному, мрачному коридору в следственный кабинет.

Наручных часов я никогда в жизни не носил, но всегда

мог определить время с точностью до десяти минут, благодаря исправно работающим часам биологическим. Лишившись связи с внешним миром, здесь, в «Крестах», я стал утрачивать свою уникальную способность; поэтому, войдя в следственный кабинет, первым делом уронил взгляд на руку Перфильева.

Маленькая стрелка часов указывала на цифру «девять», большая – на двенадцать. В еле заметном квадратике на циферблате с трудом можно было различить буквы «ср» и число 14. За окном – темень. Новый 1998 год по старому стилю!

Оказывается, в этих застенках легко можно потерять счет не только часам, но и дням! Хорошо хоть, моя многолетняя подготовка не позволяет так просто сбить с толку...

– Присаживайтесь, гражданин Семенов. В ногах правды нет, – голос следователя непривычно вкрадчив и тих.

Интересно, какой сюрприз на сей раз он приготовил для меня?

– Присаживайтесь, – повторил Перфильев.

– Спасибо. Я в камере насиделся.

– Боюсь, не скоро вы ее покинете, – с интонацией, в которой сочетаются и угроза, и злорадство, и некий намек, сообщает следователь.

– Это почему же?

– Новые обстоятельства открылись, – сообщает господин следователь таким тоном, что мне, услышав, положено непременно содрогнуться и ужаснуться. – Раньше мы мог-

ли подозревать вас только в превышении пределов необходимой самообороны, в крайнем случае – в нанесении увечий гражданину Кравченко, а теперь запросто можем предъявить обвинение в незаконном ношении оружия, да еще и с угрозой применения оного!

Что за слог у этого господина? Просто дикая смесь современных бюрократических терминов со словесными атавизмами и рудиментами из далеких допушкинских времен!

Но комментировать (а также содрогаться и ужасаться) я не стал, только вежливо констатировал:

– Это интересно.

– Сейчас я прочитаю вам кое-какие документы. «В ночь на Рождество гражданин Семенов Кирилл Филиппович, находясь в состоянии алкогольного опьянения, нанес умышленные легкие телесные повреждения гражданину Кравченко Юрию Сергеевичу, 1968 г. рождения, что влечет за собой ответственность, предусмотренную статьей сто двенадцать уголовного кодекса Российской федерации. При этом Семенов угрожал потерпевшему автоматическим пистолетом Стечкина...»

– Стоп, стоп, Яков Михайлович... О каких «умышленных легких» телесных повреждениях идет речь? Я ударил его только один раз, вступившись за женщину! Повреждать я его не умышлял, так просто – отодвинул, чтобы дорогу женщине не загораживал.

– К сожалению, эту женщину так и не удалось найти, и у

нас имеются серьезные сомнения – а существовала ли она вообще, не является ли порождением ваших алкогольных фантазий... А одного вашего удара вполне хватило, чтобы раздробить человеку нос и причинить ему сотрясение мозга... Ведь вы когда-то были хорошим боксером!

– Почему когда-то?

Я скрестил руки на груди и пробуравил Перфильева ненавидящим взглядом. Так, чтобы он почувствовал и понял.

Легкий трепет прошелся по хилому телу следователя. Все в этой мизансцене вроде на его стороне, он должностное лицо при исполнении, я же – зек бесправный, и рядом, за дверью следственного кабинета, маячит пара верзил с дубинками, а за хилой спиной Перфильева возвышается вообще непобедимый и легендарный штат питерской милиции, которая кого угодно укоротит, скомандуй только; но все это – неподалеку, в принципе и потом; а вот прямо сейчас мы с глазу на глаз, и реально защитить его никто не успеет, если...

– И не только боксером, но и пловцом, биатлонистом... – выдержав паузу, говорю негромко.

– Вот-вот, идеальная кандидатура для киллера... – сглотнув слюну, все-таки берет себя в руки следователь. – Кстати, чем вы занимались, на что жили все эти годы? В вашей биографии столько белых пятен!

Началась раскрутка, и ключевое слово прозвучало. По всему, что Перфильев знает и предполагает, – мне сейчас «положено» почувствовать опасность и насторожиться.

Вполне приемлемый вариант...

– Кроваво-красных тоже...

– Вы имеете в виду гибель жены и дочери?

– Не ваше дело, что я имею в виду...

– Не хамите, гражданин Семенов.

Несколько секунд мы молчали, вглядываясь друг другу в глаза.

Не всегда словами можно достойно ответить. Правда, и не всегда можно правильно понять, что сказано без слов. Но я старался, использовал профессиональные навыки, и Перфильев понял. Но дело есть дело, и он продолжил с несколько иной интонацией:

– С семьдесят пятого по семьдесят седьмой год вы служили в составе спецподразделения «Дельфин» на Черноморском флоте...

– Да. Я был боевым пловцом и горжусь этим. В Штатах их называют «тюленями», у нас – «морскими дьяволами»...

– Спецподразделение «Дельфин» создало в одна тысяча девятьсот семидесятом году Главное Разведывательное Управление...

– Ныне почившее в бозе.

– Ай, будто вы не знаете, что ничего так просто не исчезает... И из лап последнего вырваться совсем непросто. Говорят, по-хорошему оттуда не уходили вообще... – сообщил Перфильев и сделал паузу, выжидающе глядя на меня, – будто и в самом деле думал, что серьезный профессионал вот

так возьмет и «расколется».

– А я туда приходил? Призвали, да и все. Будто не знаете, как все это у нас делалось.

– Я знаю другое: в спецподразделения шли на добровольных принципах. И навсегда оставались если не в них, то на смежных работах...

Что же здесь спорить? Я так и сказал:

– Многие из наших ребят связали свою жизнь с Ведомством... Многие, но не все. Я всегда был против насилия, да и вся эта дисциплина и субординация, все эти армейские навороты надоели... Короче, ушел на гражданку.

– Это не совсем так.

– Разве?

– Вы оставались на сверхсрочную службу в Казахстане.

Воинская часть номер...

– Но вскоре демобилизовался. Добровольно.

– Мне это известно. До девяносто третьего года вы преподавали в Институте физической культуры имени Лесгафта, кроме того, насколько я знаю, так сказать, на общественных началах, но полагаю, что не бескорыстно, консультировали бойцов всевозможных спецподразделений МВД, КГБ и даже армии. В том числе и питерского «Грома»...

– Откуда у вас такая информация?

– Все тайное когда-нибудь становится явным... Но с девяносто третьего ваши следы вообще потерялись...

– Я ушел на творческие хлеба.

– Да бросьте вы, Кирилл Филиппович... (Наконец-то Перфильев назвал меня по имени-отчеству, а не «гражданин Семенов!»)... Конечно, мне известно о вашем увлечении живописью. Более того, я знаю, что как художник-эзотерист вы довольно популярны среди поклонников сюрреализма. Некоторые ваши произведения неплохо продавались. Но что такое сегодня сотня-другая долларов?

– К чему вы клоните?

– Чем еще вы занимались в этот период?

– Любил женщин, ловил рыбу, путешествовал. И не забывайте: у меня была семья, домашние хлопоты отнимали немало времени.

– Я посмотрю, как вы запоете сейчас... У нас есть данные, что вы работали на бандитов!

– Да ну?

– Вы натаскивали их в скоростной стрельбе, знакомили с азами диверсионно-террористической деятельности, вводили в мир различных восточных единоборств и так далее, одним словом, – обучали всему тому, что умеете досконально делать сами...

Здесь было положено сорваться, и я «сорвался».

– И сейчас я прямо здесь продемонстрирую один из своих коронных приемов, используя в качестве спарринг-партнера вас, милейший Яков Михайлович! Может, оторву уши, может – яйца, мне это запросто...

Перфильев юмора не понял, дернулся и быстро покосился

в сторону громадного «вертухая», мирно расхаживающего по коридору за открытой дверью следственного кабинета. А затем заявил:

– Как чрезвычайно опасного преступника, я прикажу доставлять вас на допросы в наручниках! – и во время этой lamentации голос следователя задрожал то ли от возмущения, то ли от страха.

Я не пошевелился, только посмотрел в глаза Перфильеву. Искренне так посмотрел.

С каким наслаждением я бы врезал ладонями по его словным ушам! Да так, чтобы полопались перепонки.

Достал ты меня, господин Перфильев. Роль ролью, но и без того мне захотелось тебя проучить, и пришлось даже сдерживаться – время для серьезного обострения еще не пришло. Ты мне, голубчик, сначала послужишь...

– Ну да ладно, – примирительно пробурчал следователь. – Оставим вашу удивительную биографию на время в покое... Вернемся снова к событиям рождественской ночи. Как они видятся вам?

Опять эти старомодные фразы! Но почему бы не рассказать? С максимальным приближением к истине...

– Я вышел прогуляться перед сном. Ну, естественно, был слегка навеселе, – как-никак такой замечательный православный праздник... Дошел по Кировскому до Большого, свернул направо... Там неподалеку, за магазином «Мелодия», есть ночной бар, не помню уже названия...

– «Розмари», – подсказал следователь.

– У входа стояла ватага пьяных парней. Они никого не выпускали и не выпускали. Ей богу, я не собирался связываться с ними. Мало ли ночных точек в городе? И вдруг слышу плач, крики... Молодая женщина додумалась ночью прийти в бар без сопровождения и теперь не могла вырваться на улицу. Вы бы видели, как она рыдала! «У меня ребенок дома один!»... А эти дебилы только гогочут. Я со всею вежливостью попросил выпустить ее...

– Со всей вежливостью – это значит: «А ну, отпустите телку, козлы вонючие, а то я вам хари поразрисовываю!»

Точная цитата. Как с диктофона списанная.

– Ну, приблизительно так, – понуро согласился я. – Разве эти отморозки заслуживают лучшего обращения?

– Сам ты отморозок! И женщину приплел только для того, чтобы оправдать свое безобразное поведение... В тот вечер у бара «Розмари» собралась вполне приличная компания! Кстати, – эту часть фразы следователь акцентировал, – в ее составе был сын одного очень высокопоставленного чиновника мэрии, сотрудник Приморского райотдела милиции, а также добропорядочные граждане Потемкин и Кравченко. Последнему ты сломал нос – как вы об этом мило выразились, «разик съездил по физиономии». А потом выхватил из-за пояса пистолет Стечкина...

Душечка-следователь Перфильев наверняка уже составил представление о личных качествах подследственного Семе-

нова К.Ф., поинтересовался моими документами, собрал высказывания обо мне и знает, что я не только отставной костолом, а по призванию – эдакий трепетный художник-духовидец, дрейфующий меж хрустальными сферами, но и кандидат наук, не светило, но неплохой аналитик, по крайней мере умею извлекать рациональное зерно из несколько завуалированных фраз. «Сын чиновника мэрии», «сотрудник Приморского райотдела милиции» – эти словосочетания должны сказать мне достаточно, чтобы я, как и требуется следовательно, понял, насколько плохи мои дела.

И если я, следующим усилением мысли, пойму, почему это меня не просто держат за решеткой, – хотя вроде как такая мера пресечения не выглядит особо оправданной по тяжести проступка; почему ко мне никого не «подселяют», прочему морят в одиночке? Надеются, что у меня сдадут нервы, и я или наговорю на себя всякую несусветицу, или сорвусь и запрошу пощады любой ценой. Или стану искать возможность свести счеты с жизнью раньше, чем выяснится... – и любой из этих малоприятных вариантов вполне устраивает следователя или, можно сказать, входит в его задачу.

«Соглашайся на все, что я тебе предложу, по-хорошему, из дерьма, в которое ты вляпался, не выкрутись», – вот что должны были означать слова Перфильева.

Но, собственно, что по большому счету означает оценка значительности противников? Что пока сказано? Что должно «выясниться»? Что мне предлагается взять на себя? Что

я был инициатором драки? Даже пусть подтвердилось, что при конфликте наличествовал некий пистолет, возможно не столь же эфемерный, как не найденная следствием женщина? Нет, слишком мелкий повод для того, чтобы так прессовать меня, толкать невинного в петлю. Ведь признание меня полностью или хотя бы частично невинным – вовсе не повод для нашего замечательного следственного аппарата тут же бросить все силы и средства на изобличение и примерное наказание противоположной стороны. Не хотят их трогать – и не тронут. Делов-то!

Здесь нечто иное, есть серьезная причина, по которой дело нельзя попросту закрыть, не преследуя никого, – но по легенде своей я пока что совсем не должен понимать, что же именно не так в этой вроде бы простой ситуации. Ключевые слова еще не сказаны.

Что ж, не стоит торопить события, послушаем, что будет нести дальше господин Перфильев.

– ...К счастью, капитану Изотову, тому самому сотруднику милиции, о котором я уже упоминал, удалось выбить пистолет из ваших рук, и оружие оказалось в распоряжении следствия как вещественное доказательство...

Ах, Яков Михайлович, Яков Михайлович. Тезка товарища Свердлова, и по всей видимости, такой же «великоросс», как его знаменитый большевистский предшественник, несмотря на свою исконно русскую фамилию. Сколько ваших предшественников угрожали, блефовали, провоциро-

вали, не понимая или не задумываясь, кому и чему служат на самом деле, и... – и все они плохо кончили. Даже стены «Крестов» помнят кое-кого из этой компании...

Конечно, вслух я свои размышления не выказывал. Спокойно, я бы даже сказал – надменно слушал следователя и своим поведением повергал его в явное уныние. После каждого прочитанного слова Перфильев отрывал глаза от бумаги и переводил взгляд на меня, словно удивляясь, почему я ничего не комментирую. А я будто говорил: «Слышь, следователь, что там у тебя дальше? Кончай ломать комедию!»

– С заключением экспертной комиссии сами ознакомьтесь, или зачитать?

– Валяйте!

– Исследовался автоматический пистолет Стечкина, тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года выпуска, номер семьсот двадцать девять...

– Это мне неинтересно. Читай вывод.

– Как сочтете нужным... (Во дает, ретроградище!)... Отпечатки пальцев принадлежат Семенову Кириллу Филипповичу, тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года рождения, временно не работающему, уроженцу города Санкт-Петербурга, проживающему по адресу: Набережная реки Карповки, дом двадцать пять, квартира восемнадцать... Следовательно, – Перфильев устремляет на меня взор, как положено в таких ситуациях, пронзительный, всеведающий и суровый, – теперь вы будете обвиняться за незаконное ношение

огнестрельного оружия по статье 218 УК Российской Федерации, предусматривающей лишение свободы на срок до пяти лет...

Я пытаюсь изобразить на своей физиономии некоторый душевный трепет. Видимо, получается неважно, потому что Перфильев добавляет:

– Благодарю еще, что пока что тебе не вменяется статья двести седьмая – угроза убийством.

Финита! Надеюсь, теперь даже непосвященному читателю понятно, почему меня томят в одиночке. Ждут, что, одичав и потеряв надежду, я все возьму на себя. Пистолет ведь надо на кого-то повесить!

Однако на этом сюрпризы не закончились.

– Кстати, спешу вас обрадовать: экспертизой установлено, что второго января сего года из этого оружия был застрелен криминальный авторитет Гичковский, известный под кличкой Гичка...

Может, он думал, что вот теперь-то я точно паду ниц и начну молить о пощаде? Или целовать ему ноги, умоляя доказать мою невиновность? Но в моих глазах не появилось ни робости, ни страха, ни даже тени смущения.

– Больше на пистолете нет ничьих пальчиков? – хладнокровно спросил я и в очередной раз наградил следователя убийственным взглядом.

– Есть. По всей видимости, капитана Изотова – именно он вырвал оружие из ваших рук!

– А теперь послушай правду, или, если уж очень неймет-ся – мою версию, милоч... Кравченко получил по роже, потому что был самым здоровым в этой компании. У меня такое правило – сначала вырубить наиболее грозного противника. И, когда я сделал это, Изотов наставил на меня пушку. У меня не было времени определять: «стечкин» это или какая другая марка. Одно бесспорно – серьезная волына, на вес где-то до килограмма тянет. Это не «клеман» или «зингер» и, естественно, не «макаров», если хочешь знать мнение специалиста. АПС – так АПС, спорить не стану. Я его схватил за ствол, выкрутил из рук и швырнул в мусорник. И в это время кто-то прыснул мне в лицо из газового баллончика. К счастью, подоспели менты, не то бы меня затоптали.

– Насчет баллончика – чистая правда. Наши эксперты пришли к выводу, что его применение было правомерным и не нанесло ущерба вашему драгоценному здоровью. Остальное – чушь собачья. Четыре человека свидетельствуют против вас!

– В следующий раз я буду ходить по городу в сопровождении десятка головорезов. Таким образом, на моей стороне всегда будет большее количество свидетелей.

– Следующий раз может наступить не скоро! Только чистосердечное признание смягчит вашу участь...

Я рассмеялся. Тюремное эхо мигом разнесло мой дикий смех по длинным пустынным коридорам.

– Ты ошибаешься, парень. Я очень скоро буду на свобо-

де. А тебе влепят выговор. Или вообще – неполное служебное соответствие. Потому что я начну жаловаться. На то, что администрация СИЗО, наверняка с твоего благословения, столько времени содержит меня в одиночке, – это раз. И на тенденциозную экспертизу – два!

– Чем же вас экспертиза не удовлетворила?

– Об этом я поговорю с адвокатом. Будьте добры, передайте ему, чтобы зашел сегодня после обеда, – подражая «старообрядцу» Перфильеву, прогундосил я. – И направьте кого-нибудь в пятнадцатую. Немедленно.

– Хорошо, направлю, сегодня же, – как-то злорадно прошипел следователь. – Но, боюсь, ты этому не обрадуешься! Адвокат будет завтра утром. Контролер! Доставить в камеру!

Я гордо разворачиваюсь и ухожу. Сзади топает скалоподобный контролер.

Интересно было бы понаблюдать за реакцией Якова Михайловича, если бы ему каким-то образом вдруг стало известно, что я еще задолго до этого допроса знал фамилию своего будущего сокамерника!

Мысленно я часто возвращаюсь в детство и юность. Стараюсь определить, что же послужило толчком для моего превращения из тихого, застенчивого мальчишки в рискованного искателя приключений.

Может, улица и спорт меня выдрессировали?

Летом я плавал. Зимой гонял на лыжах. И летом, и зимой

дрался. На улице и в спортзалах, по поводу и без.

Мои ровесники наверняка помнят славные семидесятые, когда «Василеостровцы» сражались с «Петроградцами», то бишь с нами, «Центровые» не давали проходу «Южанам» – жителям Московского, Фрунзенского и Кировского районов. Что бы мне ни говорили, я твердо уверен, что в нынешнее время крепкое хулиганство или, как принято называть, уличная преступность пошла на убыль. Разве найдутся сейчас «герои», способные за полчаса разобрать кованный забор вокруг танцплощадки в Кавголове, как это сделали мы в 1975-м?

Но, как ни странно, покалеченных, а тем более убитых, после наших разборок не было. Никогда и никто не додумался бы пинать лежачего. А провожавший девушку вообще обладал чуть ли не депутатской неприкосновенностью!

Нормы кандидата в мастера спорта по плаванию и боксу я выполнил почти одновременно. С биатлоном было сложнее. Никак не давалась стрельба из положения стоя. Вот лежать – все было в порядке, а навскидку – ничего не получалось. Я целыми днями стал пропадать в тире, где упражнялся в стрельбе из разных видов оружия, включая винтовки с оптическим прицелом и автоматы, карабины и пистолеты различных систем. Мальчишеский энтузиазм и труды не пропали зря. Снайперские навыки отмечали не раз, в том числе и сам Иванович...

И при всем этом умудрялся оставаться вполне любозна-

тельным, способным к разным наукам парнем. Да, не одну всесторонне развитую личность удалось сформировать в те годы, благодаря неустанной заботе нашей партии о подрастающем поколении!

...Или, может, моя судьба дала крен после того, как я связался с мелкой фарцой? Часами мы простаивали на Невском или у Эрмитажа в ожидании иностранцев, и как только они появлялись, выменивали за значки, медали и часы – джинсы, футболки, кепочки, а также грампластинки и плакаты с портретами тогдашних кумиров. «Битлз», «Роллинг стоунз», затем «Дип Пёпл», «Лэд Зеппелин», «Юрай Хипп»...

Боже мой, как давно, – и как недавно было это!

Так и нахватался всего по чуть-чуть. Был немного фарцовщиком, немного спортсменом (пловцом-боксером-биатлонистом), немного студентом. И нигде не добивался особых успехов, но и не был последним.

Поступил в первый раз в университет без особых проблем; мама была счастлива – еще бы, первый в нашем роду получит высшее образование!

Рано радовалась. Мое доармейское студенчество длилось недолго – всего несколько месяцев и закончилось после того, как в Университете имени Жданова меня стали заставлять конспектировать работы гениального квартиранта Марьи Васильевны. Лучше б он задохнулся в том проклятом шкафу! Короче, не прошло и трех месяцев, как я вылетел из университета – и тем самым лишился отсрочки от

призыва.

Замечательный друг-звездочет, Миша Шабалин, с которым меня пару раз сводила жизнь, говорил как-то, что судьба все время подает некие знаки, надо только научиться их читать. Я в этой жизни уже научился многому, но читать знаки судьбы – нет.

Разве что задним числом, вспоминая развилки и перекрестки жизни...

3

Я сразу узнал его. Высокий, стриженный, ладно скроенный мужчина в дорогом спортивном костюме поверх тельняшки, с фуфайкой под мышкой вошел в камеру, как хозяин входит в дом. Неспешно окинул взором свои, то бишь наши апартаменты и, как мне показалось, лишь в самый последний момент заметил меня.

– Чего разлегся? Приветствуй хозяина, – рявкнул лениво. Я не пошевелинулся.

– Ты что, глухой от рождения?

Я приподнял голову и еще раз как следует рассмотрел вошедшего.

Многие, наверное, побоялись бы встречаться с ним в темном углу. Нет, само лицо моего долгожданного сокамерника было довольно приятным, привлекательным, с правильными, чуть резковатыми чертами. Но вот выражение, которое оно принимало... Узкие и холодные глаза; плотно сжатые, порой презрительно кривящиеся губы; твердый, выступающий мужественный подбородок; рубленые скулы и надбровья в насечке характерных шрамов; нет, все это вместе взятое могло произвести жуткое впечатление на самого смелого человека.

Я знал, что внешние данные полностью соответствуют характеру этого мужчины. Жесткому, решительному и злому.

Но знал и другое – я справлюсь с ним без чрезмерных усилий.

– Что, поиграть в болвана вздумал? Сваливай на другую сторону. Я привык спать возле батареи...

Не переча, я перелег на свободное место.

«Незнакомец» завалился на мое и принялся мурлыкать какую-то глупую песенку, наверняка тюремного сочинения:

Нелепо жить воспоминаньями,
Не верить, не любить,
А только мучиться страданьями
И слезы долго лить...

Да, этот слез лить не станет. Порешит, как овечку, любого, ставшего у него на пути.

Не завидую я также и тем, кому он будет верить и кого любить. Для таких людей нет ничего святого...

Странно, почему Олег Вихренко пришел к выводу, что мы с ним похожи? По сравнению с этим людоедом – я невинный интеллигентный мальчик!

Но мне только хотелось так считать. На самом деле, если бы в камере было зеркало, то я увидел бы в нем такую же точно харю, как и у рецидивиста Сергея Мисютина. Во всяком случае, не менее решительную и наглую.

Правда, надеюсь, не столь тупую и жестокую.

Мисютин тем временем сбросил адидасовскую куртку, оставшись в тельняшке и брюках. Топили в «Крестах» на славу. В камере не прохладнее, чем дома на Карповке!

Я до сих пор не вымолвил ни слова, а сокамернику явно не терпелось почесать язык, и он снова принялся приставать ко мне. Рядом больше никого не было!

– Тебя как звать-то?

– Кирилл.

– Киря, Кирюша, славное имя. Воровское!

(Если бы он знал, как я не выношу подобного обращения, то не будил бы во мне зверя!) Но «зверь» пока что не зарычал, только хмыкнул. А Мисютин продолжил:

– Погоняло?

– Это еще что такое? – я не спешил выказывать свою осведомленность, продолжая прикидываться лохом. – Кличка, что ли?

– Кличка у собаки, а ты человек. Хотя и маленький, – назидательно произнес Мисютин. – Вот я, например, Барон. Слыхал такого?

– Не-а! Это который Врангель?

– Ну ты, вольтанутый! Отныне будешь Тундрой. Тупым, значит, по-нашему...

– По-вашему, это по какому?

– По-блатному! Скажешь, Барон крестил, ежели кто спросит. А сейчас, перелазь бегом к дяде, почеси спинку!

С этого и следовало бы начинать. Я знал, что в последних

словах следователя Перфильева таилась не пустая угроза, а, скажем так, предупреждение об опасности, поэтому – даже без всего, что знал сам, даже по официальной легенде, – должен быть готовым к любым неожиданностям.

– Вставай, Тундра, чего разлежся?

В голосе Мисютина-Барона послышалось плохо скрываемое раздражение, и я решил не испытывать далее судьбу. Поднялся с места и спокойно спросил:

– Где чесать-то, господин Барон?

Ни слова не говоря, сокамерник спустил ноги на пол и повернулся ко мне вполоборота. Так же молча я обхватил его шею левой рукой, а правой резко надавил на известное мне место. Мисютин поплыл куда-то вдаль и быстро обмяк. На губах запузырилась пена.

Я забарабанил в двери ногами:

– Человеку плохо!

Если бы «вертухайи» прибежали на несколько мгновений позже, боюсь, Барон бы никогда не вернулся с того света. А так все обошлось, – несколько крепких пощечин и ушат воды, экстренно выплеснутый на голову уловника, постепенно привели его в чувство.

– Что это с ним? – недоумевали контролеры (через несколько минут в камере их собралось трое – не знаю, положено ли так по их правилам, или Барону уделялось особое внимание).

– Не знаю. Наверное, эпилептический припадок, – пожал

плечами я.

Мисютина на время выволокли из камеры, оттащили в дежурку и вызвали врача. Вчерашний выпускник мединститута, крепкий парень без особых проблесков врачебной мудрости на русопятой физиономии, полностью подтвердил мой диагноз.

Процедура окончательного приведения в чувство заняла примерно час; затем, как я узнал позже, состоялась беседа Мисютина со Старшим Кумом и только потом врач счел возможным препроводить «эпилептика» на место.

Впоследствии я узнал, что Барону почему-то страшно не хотелось возвращаться в пятнадцатую камеру, но администрация тюрьмы не нашла серьезных оснований для его перевода в другое место. Так что вскоре Мисютин вернулся в мои «объятия».

4

Несмотря на утверждение моего сокамерника о том, что жить воспоминаниями нелепо, оставшись наедине с ним, я окунулся мыслями в далекие армейские будни...

Моя судьба по-настоящему определилась там, в дальневосточном гарнизоне морской пехоты, по собственной воле я избрал один путь из нескольких, которые были возможны; прочти в свое время я ее, Судьбы своей, знак, все сложилось бы иначе. Не было бы в моей жизни ни Ивана Ивановича, ни Дела, ни любимых моих девочек...

История не терпит сослагательного наклонения, все получилось так, как получилось; вопрос в том, что жизнь еще не закончена и, быть может, сейчас судьба подает мне очередной знак, и мне надо его прочесть – или не прочесть...

Вопрос в том, хотел я или хочу сейчас, чтобы что-то в жизни сложилось по-другому.

Я не хотел их потерять и до сих пор не хочу, а по-настоящему – и не могу жить без них. Я готов на все, чтобы сохранить любимых своих – но знаю, что такое Необратимость... Их уже нет и не будет нигде, кроме как в моем сердце и в моих воспоминаниях. Они потеряны мною – но и были обретенны только мною. Поверни в прошлом я свою судьбу хоть чуть-чуть по-другому – их бы просто не было.

Для меня.

Я их потерял – но прежде я их нашел. Они сотворены моей судьбою. Если существует предназначение, то мне было предназначено их обрести и потерять – но это в самой полной мере предполагает мщение тем, кто их отнял.

«Если собираешься мстить, вырой сразу две могилы». Неужели китайцы правы?

...Исторический призыв на действительную военную службу состоялся 26 октября 1975 года.

В Ленинграде в тот год было еще тепло. Вынужден упомянуть об этом, так как моя пробивная мамочка за небольшой магарыч договорилась с «покупателем», что ее сокровище-сынок будет служить неподалеку – во Пскове. Но вместо того, чтобы отправиться автобусом в соседнюю область, нас погрузили в самолет и зафутболили на Дальний Восток, жителей которого в том году погода не баловала теплом.

Собираясь на службу в Псков, я был одет в польские джинсы «Одра», чрезвычайно популярные в середине семидесятых, и домашний свитер, связанный руками заботливой бабули. На ногах – легкие остроносые туфли; а во Владивостоке было минус двадцать и пронзительный ветер, – словом, обычный «мягкий морской климат». Чтобы как следует прелестей, нас почти два часа промариновали в насквозь продуваемом аэропорту до подхода автобуса, пока, промерзших и голодных, привезли в поселок К.

Только там отец-командир изволил сообщить две новости, одну – не сразу оцененную нами как следует, зато вто-

рую – совсем хорошую. Мы узнали, что нам предстоит служить в морской пехоте, но что в части функционирует горячая баня, куда нам и надлежит проследовать.

Обрадованные призывники рванули в баню; вот так, в клубах пара, чувствуя, как воскресает каждая клеточка промерзшего тела, и началась служба...

Я тогда еще, естественно, не знал, что в моем личном деле военспецы-секретчики намалевали массу всяких знаков и допусков, наставили «птичек» и прочих закорючек. Это означало, что меня можно использовать в самых секретных войсках, возлагать на меня всевозможные рискованные задания и вообще использовать на все сто где угодно и как угодно. На земле и под ней, на суше и в море. Как же иначе? Происхождение: из рабочих и крестьян. Кандидат в мастера спорта по плаванию и боксу. Неплохой биатлонист. Аттестат на 4,5. Отменно здоров. А то, что забияка и фарцовщик – писать в личных делах было не принято; впрочем, возможно, и это было как-то зашифровано и отнюдь не мешало моему использованию.

Но это так, теория, а надо проверить человека на практике. Истинное лицо человека нагляднее всего проявляется где? Правильно, в экстремальных условиях. А служба в наших доблестных Вооруженных Силах и есть самая настоящая сплошная экстремальная ситуация длиной в два-три года. И в первую очередь здесь проявляются отнюдь не добродетели человека, а его пороки. Например, драчливость.

Первым под руку мне попал сержант, слишком настойчиво предлагавший почистить ему сапоги. Вместо обуви я начистил ему рыло. Ночью «деды», как водится, устроили мне темную: накрыли спящего шинелью и как следует отдубасили сапогами...

Под одеялом в это время лежал мешок со списанным обмундированием, а я неистово стонал и смачно матерился под кроватью. О всевозможных экзекуциях, практикуемых в Советской Армии, меня неоднократно предупреждали на гражданке знакомые дембеля.

Утром рота была немало удивлена, когда рядовой Семенов за сорок секунд оделся и встал в строй, – ведь по всем неписаным армейским законам он должен был не подниматься с кровати еще как минимум неделю.

Жаловаться я не стал, сопли не распускал, поэтому быстро удостоился доверия со стороны старослужащих и лично сержанта Трофимова. Мне, зеленому салаге, иногда стали позволять неслыханные вольности – например, находиться в ленкомнате у телевизора после отбоя и даже отхлебывать иногда глоток-другой из фляги «дембеля», в которой, разумеется, находилась вовсе не вода.

В те застойные годы в армии еще служили настоящие «деды». Их слово являлось законом не только для «молодых» солдат, но и для всех взводных. Да что там желторотые лейтенантики? Ротные и то прислушивались к голосам этих славных воинов! Короче, продолжалась славная тради-

ция «цукания», против которой взбунтовались некогда кадеты Александровского училища; давно это было, но смысл прежний... «Деды» были суровы, но справедливы, того, что десятилетием спустя называли «дедовщиной», у нас не вошло; «дедом» я, разумеется, стать еще не мог, но уже вошел в определенный авторитет. И это заметно раздражало командира роты, капитана Атикова.

«Если он так борзет с первых дней службы, то что можно ожидать от него в дальнейшем?» – рассуждал бравый капитан. Перспектива моего «постарения» настолько испугала ротного, что он начал подумывать над тем, как бы спроводить меня с глаз подальше.

Надо сказать, в те годы это было несложно. Я мог запросто загреметь куда-нибудь на сопки Спасск-Дальнего или на Курилы; но над ротным дамочловым мечом висели те самые военспецовские допуски, проставленные в моем личном деле. Поэтому следовало попробовать воспитывать меня собственными силами. В один из предновогодних дней капитан вызвал меня к себе в кабинет и, тяжело вздохнув, начал проводить воспитательную беседу:

– И откуда ты такой шустрый взялся?

– Из колыбели.

– Какой еще колыбели, мать твою так?

– Революции, какой же еще? Питерский я!

– Ленинградский, рядовой Семенов! Ленинградский!

– Ага.

– Не «ага», а так точно.

– Так точно, товарищ капитан! Разрешите идти?

– Ты что, издеваешься надо мной?

– Так точно!

– Что «так точно»? Что «так точно», я спрашиваю?

– Все, что вы сказали, товарищ капитан!

Если бы его родная мама, будучи беременной, могла заглянуть в будущее и увидеть перекошенную рожу своего заботливо вынашиваемого чада, она бы ни за какие деньги не согласилась рожать и всем остальным бабам заказала!

Я выслушал, стараясь сохранить спокойствие, длинную командирскую тираду, в которой, помимо самых изощренных ругательств, можно было разобрать только:

– Я тебе покажу кузькину-мать, хрен-голова, недоумок питерский!

– Ленинградский, товарищ капитан! – уточнил я...

Если бы я мог тогда заглянуть в будущее, я бы понял, что эта «воспитательная беседа» и ее итоги – знак судьбы. Один из знаков. Но ничего изменить бы не смог и не захотел. Для этого пришлось бы говорить и действовать иначе. А ломать и перестраивать себя можно только с какой-то серьезной целью...

Мисютина доставили в камеру вместе с ужином. Я еще на воле приучил свой организм к одноразовому питанию, поэтому тюремная скудость меня не очень угнетала. От бурды, гордо именуемой чаем, я отказался. Мой сокамерник – тоже.

Если приглядеться, не такой он уже и страшный, этот самозванный Барон. И глаза у него не столько злые, сколько печальные. Видимо, тоже хлебнул горяшка...

Словоохотливость у Мисютина не пропала. Только вежливости в его речах стало побольше. Тихонько вошел и почтительно спросил:

– Где ваше место?

– Мне все равно. Мы люди не гордые. Раз ты привык у батареи – спи там...

– Прости засранца. Погорячился, с кем не бывает. Думал, посадили к лоху...

– Над лохами можно издеваться?

– Почему – нет? Слабые, безвольные людишки, не способные постоять за себя... Разве они достойны жалости?

– Если не жалости, то сочувствия слабые достойны всегда. Учти, сильные только тогда могут чувствовать себя таковыми, когда рядом есть слабые... Иначе не будет с кем сравнивать!

– А ты философ.

– Приходится.

– Хоть среди нашего брата и не принято таким интересоваться, все же – за что сидим?

– Сам не знаю. Заступился за телку, а она слиняла. Меня сделали инициатором драки. А так как драться я умею, то кое-кому было очень больно. Сейчас еще «вольну»¹ хотят повесить. Ею мент меня пугал, а я – возьми да вырви. Пальчики, естественно, остались.

– Значит, три двоечки наклеваются?

– Что еще за чудо?

– Двести двадцать вторая УК Российской Федерации. Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия...

– Выходит, так...

– Это, по нынешним временам – чихня. К таким, как я, ее применяют только в исключительных случаях. Когда больше обвинить ни в чем не могут. Подкинут пушку – и шьют дело. Верняк. Не отвертись. Лучше у них только с «травкой» или «снежком»² получается...

– И что, действительно пять лет впясть могут?

– Запросто. От судьи многое зависеть будет. Ты по первачку?

– Да.

– Тогда отвинтишься.

¹ Вольна – пистолет (жаргон).

² Травка – конопля, снежок – кокаин (жаргон).

Я неопределенно повел плечами. Барон ненадолго замолчал, приглядываясь ко мне, затем сказал задумчиво:

– Что-то они к тебе неравнодушны. Сначала одного мариновали, теперь рецидивиста в камеру бросили. А по ихним законам, не положено первоходочникам в одной клетке с ранее судимым находиться!

Не надо слишком обо мне задумываться. Ты лучше о себе спой.

– А ты и вправду рецидивист? Извини, если не так спросил – я же, сам понимаешь, в этих делах не очень, первый раз за решеткой, да еще сразу в одиночке...

– Я уже на третью ходку пошел. Две предыдущих, правда, слабенькие были. Первую вообще можно таковой не считать – только на зону, как амнистия к 40-летию Победы подоспела. Потом проносило аж до восемьдесят девятого... Может потому, что я к «тамбовским» примкнул. Они в то время круто котировались. Бригада крепкая, и подвязки хорошие в органах имели...

– Я о «тамбовских» что-то читал, было в газетах... Вроде как их разгромили...

– Это ментам так думать хотелось. Но правда, что после перестрелки в Девяткино многих из наших побрали и вкатали сроки. В том числе и мне...

О том, какой это был срок, я спрашивать не стал – не полагалось проявлять излишнего любопытства. Интереснее, что и как сам Барон расскажет.

– Попал я в исправительно-трудовую колонию «Обухово», которую мы называем санаторием. Братва посодействовала. Вскоре туда же перевели и Кума... Такого хоть знаешь?

– Слыхал, конечно. «Кум» – это же Кумарин, личность легендарная. Про него даже книги пишут...

– Вот-вот... Так что в «Обухово» страдать особо не пришлось. Вскоре вообще спрыгнули «на химию», потом откинулись досрочно... Зато на сей раз влетел, видимо, надолго... Семь лет, суки, намотали. Строгача. И главное – ни за хер!

– У меня такое впечатление, что здесь только невиновных содержат!

– А ты как думал? Один – мешок картошки с поля спер, другой – с собственной бабой поцапался да приложил ей за дело, и сгоряча так, что гуля выскочила... Вот и весь контингент. Самая же главная банда – она при власти. И сама себя сажать пока не собирается. А мы только за власть боремся... Вот конкуренты и душат нас. Сам посуди: я никого не убивал, проходил, как соучастник – и на тебе: семь лет!

– Неслабо...

Барону и в самом деле не повезло. За что его действительно стоило посадить, и, наверное, не на семь лет, а побольше, – было юридически недоказуемо. А то, за что фактически посадили, на «семерик» тянуло только теоретически, по исключительно редко применяемому верхнему пределу наказания, предусмотренного статьей УК.

– После той отсидки Кум так и не смог восстановить бы-
лое влияние в городе. Шакалов развелось за это время – и
ни с кем считаться не хотели... В девяносто четвертом, в
первый день лета, на его «мерс» было совершено нападение.
Охранник погиб, а шеф вычухался, хоть и получил более де-
сяти ранений...

(Я это знал. Более того – даже был причастен к этому! Но
не моргнул и глазом. Как ни в чем не бывало слушал разго-
ворившегося Барона.)

– ...Пока Кум зализывал раны в Швейцарии, мы со Степа-
нычем пытались кое-что наладить, но время было упущено.
Наше главное в тот период дело – обеспечение безопасности
транзита металлов – уже перехватили солнцевские. Попро-
бовали легализоваться, тем более, что Степаныч любил по-
вторять: «Чем ближе к закону, тем безопаснее», но у нас ни-
чего не вышло. Видимо, легальный бизнес в нашей стране
обречен, видимо, из тени нам не вырваться никогда...

Барон-Мисютин сделал паузу и уставился в потолок.

Вот тебе и «нелепо жить воспоминаньями». Мне сорок.
Где-то около этого и ему. По большому счету, жизнь прожи-
та. У него впереди длительный срок, у меня – полная неопре-
деленность.

Да и, если выйдем на волю, что будем делать, чем прика-
жете заниматься? Я-то хоть знаю – чем. Цель передо мною
четкая, а потом... Если выживу, возможно, вернусь к Делу.
А что будет делать Мисютин? Завязывать ему поздно. Надо

было не начинать...

Так прямо я и сказал ему об этом.

– Ты прав, – тяжело вздохнул Барон. – Но жизнь нельзя прожить по-новой. Так уж было запрограммировано. Свыше...

Я даже вздрогнул невольно, насколько и эта фраза, и интонация, с которой она была произнесена, отвечали моим недавним раздумьям.

А Барон тем временем продолжал:

– Я в Якутске родился. Родаки на вертолете разбились, когда мне всего десять лет было. Остался сиротой. В школу перестал ходить, начал бродяжничать. Озлобился на все человечество. Особенно на милицию. Помнишь, как в те годы было? Чуть что – в детскую комнату. Оттуда – прямая дорога в спецприемник. А там, вместо того, чтобы накормить – пилюлей навешают. Убегал я. Хулиганить начал, мелочь по карманам тырить. Вот и стал тем, кем должен был стать...

– А в наши края как попал? – спросил я с ненаигранным интересом. (Все, что удалось до сих пор узнать о Мисютине, было достаточно отрывочно.)

– В семьдесят девятом призвали в армию, служил в стройбате под Ленинградом. И остался здесь – в тайгу возвращаться не хотелось. Связался с Кумом, он организовал прописку. Закорешовали. Вместе тренировались, вместе разгружали вагоны, за девками ухаживали... И так до самой перестройки. Это она всех нас развратила. Фирмы, кооперативы,

бары...

– Если есть возможность заработать, так почему бы и нет?

Никто святым духом не питается...

Мисютин хмыкнул и улегся на койку; помолчал немного и спросил:

– Ты на воле чем башляешь?

– Картины пишу. Не так чтобы очень, но на жизнь хватает.

А раньше преподавал...

– Ясно. Почему сейчас не учительствуешь, не спрашиваю.

И раньше с тех хлебов не жирели... А уж когда появились приличные деньги... Неправду говорят, что деньги не пахнут. Еще как пахнут! Их аромат многим вскружил головы. В том числе и нам. Стали наезжать на фирмачей, кооператоров – давайте, мол, канайте к нам под «крышу», отстегивайте бабки, а мы позаботимся – и в самом деле «заботились», зверьков прикрутили, да и с администрацией районной, а если надо и со Смольным, договаривались... Таким образом сколотили кое-какой начальный капитал, выгодно разместили его. Мы были пионерами такого бизнеса в нашем городе, никто в то время не хотел, да и не смог бы конкурировать с нами... Но с девяносто третьего начались непонятки. Только за один тот год десятки наших угрохали. Самых лучших, самых подготовленных! Стали выяснять – кто, а фигу! Никаких следов!

Нет-нет, это было сказано не для меня. Похоже, Барону просто нужен слушатель, чтобы выговориться.

Нет, точно это сказано не для меня – случись какая утечка, Барон уж точно не проговорился бы ни о чем таком. Молча бы принял меры...

– ...Мы уже тогда понимали, – продолжил Мисютин, – что за этим делом стоят органы, но доказательств не имели... Посуди сам: если б это были наши внутренние разборки – наверняка бы кто-то проболтался. Тем более что в каждой серьезной группировке у нас есть свои осведомители. Кум не был беспредельщиком по отношению к своим, выступал за решение всех споров мирными путями. Так что братве его восхождение было выгодно...

– А кому не выгодно? – с напускным равнодушием поинтересовался я. На самом же деле жадно ловил каждое слово.

– Властям. Мощнейшие теневые структуры, руководимые бывшими номенклатурщиками, делают на контроле над промышленностью сумасшедшие деньги. На всякие там кооперативные забегаловки, ремонтные мастерские и мелкую торговлю они поначалу и не смотрели, и нас тоже особо не замечали. А постепенно оборот в непроизводственной сфере стал не меньше, чем в их промышленности, да и мы стали подбираться и к экспорту, и к связи, и к энергетикам... Мы влезли в их сферы влияния – и заплатились за это! Располагая огромным капиталом, номенклатурная мафия до поры до времени использует нас в своих целях, а когда мы пытаемся преодолеть установленную планку – просто отстреливает зарвавшихся. Наверняка для этих целей есть вполне

легальные структуры, спецподразделения... «Белая стрела» или отдел «С-7» – это уже неважно!

Интересно, как бы «оторвался» Мисютин, узнав, что представитель такой структуры сидит в одной камере с ним!

...На Дальнем Востоке жилось несладко. Из-за резкой смены климатических условий (хотя внешне погода вроде бы ничем не отличалась от ленинградской) на теле стали выскакивать прыщи и фурункулы. Кроме того, всех задалбывали китайцы, явно не наученные Даманским. Нет, теперь они не решались открыто пересекать нашу границу, зато постоянно старались напакостить другими способами. Например, в районах Китая, сопряженных со среднеазиатскими республиками нерушимого Союза, заражали какой-то гадостью целые стада диких животных, в основном сайгаков, и перегоняли на нашу территорию. Советские солдаты всегда были не прочь полакомиться дичью. Застрелят сайгака, съедят – и кто в морг, кто в госпиталь. Сообщения о таких «шалостях» соседей нам зачитывали регулярно.

Да и на ближнем к нам участке границы чуть ли не каждую неделю совершались провокации. Наша часть была готова за считанные часы выйти на кордон. Поэтому под кроватью у каждого бойца были подвязаны лыжи, страшно гремевшие, когда мы выполняли команды «Отбой» и «Подъем». Морская пехота и лыжи – понятия, мягко говоря, мало совместимые, но в те годы в наших вооруженных силах дело доходило порой и не до такого маразма...

Все это способствовало тому, что с недавних пор мои меч-

ты стали совпадать с чаяниями капитана Атикова. Денно и ночью я молил судьбу выволить меня из этого сурового края.

О том же просил мой ротный. Особенно после того, как я опробовал на себе оригинальную методику самолечения.

Маменьке, медсестре одной из ленинградских больниц, я написал письмо, в котором попросил выслать мне «что-нибудь от чиряков». Вскоре поступила бандероль с полдюжиной флаконов салицилового спирта, а заодно и с парой коробок моих любимых конфет с ликером.

«Кирилл, это средство от фурункулов, – писала мама. – Старайся почаще протирать их...»

Надпись на этикетке «Для наружного применения» почему-то убедила меня в прямо противоположном. Мы сержантом Трофимовым быстренько приняли содержимое флаконов вовнутрь, закусили конфетами и спокойно улеглись в койки.

Послеобеденная дрема была обычным делом для старослужащего, Трофимов даже табличку оставлял на тумбочке: «Не будить, не кантовать, при пожаре выносить первым», но чтобы салага завалился среди бела дня в «люлю» – такого еще не было, поэтому дежурный по части, некстати забредший в нашу казарму, не на шутку разозлился. В мгновение ока я был поднят с постели и, пошатываясь, попробовал принять стойку смирно, будучи одетым лишь в кальсоны. Это окончательно доконало старлея, и он начал орать на всю ка-

зарму:

– Что за безобразие? Куда смотрит замкомвзвода?

Несмотря на предупредительную табличку, сержанта тоже разбудили. Вернее, только попытались разбудить, ибо обиженный Трофимов, не отрывая головы от подушки, свесил руку с кровати и, нащупав сапог, «выстрелил» им на звук.

Попал – и, еще не проснувшись, со мною вместе оказался на гауптвахте.

Каждый из нас получил пять суток. Сержанта, кроме того, разжаловали в ефрейторы, что как-то не очень гармонировало с расхожим мнением о ефрейторе, как об отличном солдате. Меня же понижать в звании дальше было некуда.

И тут пришла в движение рука Судьбы. Видимо, разобиделась леди Фортуна, что не внял я ее предостережением, напрягал дальше взаимоотношения в гарнизоне, – и она отвязалась.

...В поселок К. с гарнизонной гауптвахты я уже не вернулся. Как, впрочем, и разжалованный сержант Трофимов. Вернее, мы вернулись, но только для того, чтобы забрать личные вещи.

Пока мы прохлаждались на гарнизонной гауптвахте, капитан Атиков получил приказ отправить двух наиболее подготовленных морских пехотинцев в распоряжение «Учебно-тренировочного отряда легких водолазов Краснознаменного Черноморского флота», на базе которого, оказывается, не так давно было создано и сейчас комплектуется разведы-

вательно-диверсионное подразделение ВМС СССР под безобидным названием «Дельфин».

Почему-то у капитана Атикова ни на минуту не возникли сомнения, что «наиболее подготовленные бойцы», достойные представлять дальневосточную морскую пехоту в частях особого назначения, – это как раз мы, наказанные и разжалованные.

Как следует проинструктировав насчет «оказанного высокого доверия», меня и Трофимова самолетом отправили почему-то не на берег самого синего Черного моря, а в казахстанский город Балхаш, расположенный на берегу одноименного озера, в учебный центр по подготовке профессиональных диверсантов.

Именно тогда я начал понимать, что некая развилка промелькнула, и теперь моя судьба дала впечатляющий крен...

...Когда я был в камере один, то просто погружался в воспоминания, неподвижно сидя на нарах и вглядываясь в одну точку. Часто перед глазами возникала Наталья, еще чаще – дочь Кристина. Вот мы все вместе возвращаемся из ЦПКО. Теплый сентябрьский день, кружащиеся желтые листья, мощным воздушным потоком втягиваемые в арку.

И – выстрелы. Один, второй, третий...

Все попали в цель. Кристине в голову, мне в грудь, Наталье – в плечо. Последний не смертельным оказался, но... У жены было слабое сердце, – наверняка ослабло за годы супружества из-за необъяснимых странностей моей работы; оно-то и не выдержало.

Дочь умерла на месте, а я, я, ради которого все это затевалось, остался жив!

Старый доктор в больнице по улице Чапыгина, куда меня привезли, сказал: «Вы родились в рубашке, молодой человек!» Нет, милейший Ян Павлович! О какой-то такой рубашке можно вести речь, если я самый несчастный человек на свете! Ради кого мне теперь жить? Ради чего?

Только для того, чтобы отомстить? В сорок лет поздно все начинать с нуля...

Вот ко мне подселили вроде бы законченного бандита, но и у него в душе есть что-то человеческое, и он хочет понять,

ради чего живет на белом свете, зачем рискует здоровьем и жизнью. Из-за денег? Не слишком ли мелко?

– ...Убедившись, что легальные сферы предпринимательства уже освоены, Степаныч стал зондировать возможности проникновения в наркобизнес, контроль над проституцией. Я был при нем вроде как начальник контрразведки...

– У Марио Пьюзо это называется «капореджиме».

– Да, читал. У нас специального слова не было. Но заниматься приходилось практически тем же. По долгу службы старался проанализировать все наши проколы... Чаще всего возвращался к мыслям о том, как же все же произошло покушение на Кумарина. Кто в него стрелял? Впервые в моей практике ни братве, ни правоохранителям не удалось установить даже пол покушавшегося. Одни свидетели говорили, что это была женщина, другие утверждали, что мужчина в парике... Мы даже не знали, кому мстить! Для того, чтобы хоть как-то загладить свою неспособность выйти на организаторов покушения, стали распускать слухи, что киллер уже покоится на дне озера с гирей на ноге. Но Кум, мой корешок, замечательный парень, не был отмщен...

Нет, не столько бандитская злость, сколько человеческая тоска была в глазах Барона. «Не отомстил» – видимо, не самое главное для него.

Мисютин помолчал и продолжил:

– Тридцатого июня 1995 года не стало и Степаныча, Коли Гавриленкова. Мы втроем: я, Степаныч и его родной брат

Витька, ждали на Московском человека, который был должен подвезти бабки. Имя его не упоминаю, ибо парень не при чем. О нашей встрече он не траванул никому – я потом и допросил его так, что чуть наизнанку не вывернул, и проверял, – и убедился в этом. Да, ждали... Вдруг вылетают двое на мотоцикле без номера, и давай лупить из автоматов. Целились только в Николая. Мне и его братану – хоть бы хны. Ни единой царапины. А Степаныча положили замертво...

– Разве вы были безоружны?

– Обижаешь...

– Почему же не открыли ответный огонь?

– Открыли. Я даже попал в кого-то.

– Ну и?

– А ни шиша! Ни мы, ни милиция не раскопали. Хоть я лично проверил все больницы города и многих практикующих врачей. Ни в тот день, ни в следующий никто с огнестрельным ранением к докторам не обращался!

– Не понял. Что из этого следует?

– А то, что этот парень наверняка отлеживался в какой-то ведомственной клинике!..

(Соображаешь, Барон, соображаешь!)

– ...Иначе бы кто-то непременно сдал его – вознаграждение мы пообещали немалое! Кстати, Степаныч чуял близкую смерть и заранее договорился с отцом Романом о своем погребении в Печорских пещерах...

По ходу своего повествования, Мисютин все меньше опе-

рировал блатными терминами, «феня» постепенно сменялась живым, понятным языком, а его обладатель из безмозглого уголовника превращался в толкового, только уставшего сорокалетнего мужчину. У меня на глазах Барон становился просто Сергеем.

– Значит, ты считаешь, что серия заказных убийств в середине девяностых – дело рук не братвы? – спросил я, глядя прямо в глаза товарища по несчастью.

– Я в этом не сомневаюсь! – уверенно пробасил Сергей Мисютин. – Ведь даже Собчак говорил: «Каждый преступник, поднявший оружие, должен знать, что будет убит на месте». Посуди сам...

(Он так часто употреблял эту фразу, что мысленно получил от меня кличку – Посудисам.)

– ...Как только в городе поднялся Коля Каратэ – его убрали. Возвысились мы – сразу получили по зубам. Теперь очередь малышевских... И что интересно: власти словно поощряют новых лидеров. Чтобы столкнуть их со старыми. Того же Малышева, когда его бригада только на подъеме была, в 1995 году освободили прямо из зала суда, одиннадцать его сообщников вообще отсеялись из числа обвиняемых во время следствия!

– Но получается вроде как по-вашему: больше братвы осталось на свободе?..

– И что? Это же все ребята из разных группировок, которые никогда не примирятся. Сами жить не будут и друг дру-

гу не дадут. Нет, по большому счету братве не выгодна ситуация, когда в городе постоянно меняются лидеры. Нам хотелось бы иметь одного крепкого, авторитетного пахана, чтобы пресечь усиление всяких чеченов и казанцев, чтобы меньше было беспредела. Работы хватит всем. Как говорят те же чечены, нет такого пирога, который бы нельзя было поделить... Но кто-то решил иначе. Кто-то тщательно отслеживает все процессы, происходящие в нашей среде, и время от времени вносит коррективы, открывая стрельбу...

Я знал – кто. Только ничего не ответил Барону.

Балхаш. Озеро-легенда не только благодаря своим уникальным природным свойствам, но и нашему прославленному подразделению.

Обратимся сначала к природным особенностям. Находится Балхаш как раз посередине между Карагандой и Алма-Атой, и тянется с запада на восток километров этак с шестьсот, достигая на отдельных участках в ширину до восьмидесяти километров. Несмотря на то что водная гладь распространена на такие огромные расстояния, вряд ли в ней отыщется впадина глубиной более двух десятков метров. В западной части озера – вода пресная, в восточной – солоноватая.

Вокруг озера – скучная степь, солончаки и такыры, огромные поля выжженной, спеченной до каменной твердости и растрескавшейся глины; и над всем этим – сильный, устойчивый, постоянный запах, свойственный только этим местам, запах, который трудно описать и к которому трудно привыкнуть.

Город Балхаш – райцентр Джезказганской области, расположен в самой середине северного берега и знаменит в основном своим горно-обогачительным комбинатом, отнюдь не самым благодатным способом воздействующим на состояние озерных вод. Неподалеку от города расположился сек-

ретный центр, в котором мне предстоит провести полгода, а дальше, в степь, на бог весть сколько километров – полигоны, усеянные осколками и обломками всякого милитаристского хлама.

Тогда мы, собранные со всего Союза безусые юнцы, еще не подозревали, что, вернее – кого, попытаются вылепить из нас матерые инструкторы ГРУ. Но это и неважно. Важно, что мы полюбили свою нелегкую работу, осознали ее значимость и вкладывали душу в ежедневные тренировки на суше, на воде и под водой. Во всех этих средах обитания мы должны были ловко драться врукопашную, метко стрелять и досконально владеть холодным оружием.

Особое внимание уделялось выработке психологической устойчивости каждого курсанта в самых экстремальных условиях; параллельно с этим шли лекции по биологии и медицине.

На высочайшем уровне преподавалось взрывное дело – может быть, самое важное для профессионального диверсанта. Мы часами устанавливали и обезвреживали бомбы и мины различных модификаций. Опять же на суше и под водой. Одновременно изучали все типы боевых и грузопассажирских кораблей ВМС стран НАТО. По одним лишь очертаниям, а также по шумам винтов, мы должны были определить, крейсер идет или линкор, эсминец или тральщик, какой стране принадлежит, назвать вооружение корабля, сильные и слабые стороны его (чтобы определить, куда лучше за-

кладывать взрывчатку для максимально успешной отправки данного плавсредства на дно), количественный состав экипажей и многое, многое другое...

Особенно допекали нашему командованию в те годы, как, впрочем, и сейчас, американские авианосцы. Разведка внимательно следила за их передвижениями по акватории Мирового океана. Конечно же, эти «грациозные» суда нам приходилось изучать тщательнее остальных, и помимо уже перечисленных характеристик мы должны были по памяти называть количество и типы боевых самолетов на борту, порты приписки, фамилии и звания командиров...

Странно, но политической подготовке здесь уделялось внимания менее всего. Видимо, для того, чтобы топить вражеские корабли, знать и цитировать классиков марксизма-ленинизма вовсе не обязательно. А вот историю спецподразделений ВМС различных стран НАТО мы штудировали основательно. Я и сейчас могу почти что слово в слово пересказать свой старый конспект:

«Приоритет в формировании диверсионных групп, действующих под водой, принадлежит итальянцам. Они отличились еще в годы Первой мировой войны, отправив на дно линкор “Вирибус Унитис”.

Два диверсанта подобрались к нему при помощи буксировщика, сконструированного на базе обычной торпеды. В обеих ее отсеках находились тротиловые заряды по 85 кг каждый, снабженные магнитными присосками. Двигался ап-

парат со скоростью всего три-четыре узла, плечи и головы “наездников” выступали из воды, но тем не менее операция прошла успешно.

...Первые боевые пловцы современного типа тоже появились в Италии, тогда уже фашистской, в 1935 году. Представители флотского командования всех других держав мира, в том числе и СССР, практически не догадывались об их существовании до декабря 1941 года, пока итальянцы не провели блестящее нападение на английские линкоры “Вэлиент” и “Куин Элизабет”, мирно стоявшие на причале в Александрийском порту.

Три экипажа боевых пловцов, каждый из двух человек, высадились с подводной лодки “Чиро” и принялись искать намеченные цели. Живая торпеда, приблизившаяся к “Вэлиенту”, наткнулась на заградительную сеть. Пилот отцепил боеголовку и вручную потащил ее к линкору. Довелось бы ему проделать подобную операцию на суше, результатом стали бы разве что полные штаны – вес боеголовки 300 килограмм. А под водой любые тяжести не кажутся непреодолимыми. Боец за сорок минут доплыл до цели, подтащил боеголовку под судно, закрепил ее и включил механизм взрывателя. Вымотанный титанической работой, смертельно уставший диверсант был вынужден совершить всплытие и сорвать кислородную маску. Бдительные часовые-англичане сразу же обнаружили его и заточили в трюм подготовленного ко взрыву корабля вместе с ранее схваченным “подельщиком”.

Вероятно, для того, чтобы итальянцы смогли более достоверно оценить масштабы наносимого ими же ущерба...

Второй экипаж, атаковавший “Куин Элизабет”, действовал еще более успешно. Мину старательно заложили под дно судна; сами пловцы без приключений выбрались на берег и были схвачены английскими солдатами далеко от места подготовленного ими взрыва. Командир третьей “живой торпеды”, получивший задание взорвать авианосец, так и не смог обнаружить заданную цель, но, чтобы не возвращаться бесславно на базу, заминировал первый попавшийся под руку танкер.

В строго определенное время обреченные суда взлетели на воздух. Всего шесть человек сделали работу нескольких подводных лодок.

После этого случая правители разных стран мира серьезно задумались над проблемами создания в своих Военно-Морских Силах аналогичных диверсионных подразделений...»

И мне выпала честь служить в таком подразделении!

Почему Мисютин так разоткровенничался со мной? Прежде всего потому, что он психует, он на последней грани, – не понимает, за что угодил в тюрьму и получил такой срок. Можно попытаться представить себе ход его мыслей.

«...Подумаешь, угробил конкурента! Не своими же руками! Непосредственные исполнители попались на месте преступления и, доведенные до отчаяния побоями и угрозами, теперь глаголют, что получили приказ на ликвидацию лично от Барона. За это им на зоне кранты будут! Тем более, что “телегу накатывают” они впустую. Сам он никогда бы не опустился до отдания такого приказа. Для этих целей есть своя шестерка. Да, это он спланировал и подготовил акцию по устранению авторитета С. Но ведь никто не знал об этом! Почему менты решили сделать крайним его? Почему суд, обычно такой покладистый и гуманный, основываясь не на доказательствах, а всего лишь на показаниях киллеров, которым и верить-то нельзя, разошелся и впаял семь лет?! Может быть, менты получили заказ посадить наконец-то хоть одного организатора заказного убийства и на роль козла отпущения избрали его? Тогда как объяснить такое стопроцентное попадание?..»

Голова шла кругом, и Мисютину необходимо было с кем-нибудь посоветоваться. Под рукой оказался только я. Это –

первая причина, объясняющая снизошедшую на моего сокамерника откровенность.

Но есть и вторая. В бандитской среде всегда существует культ силы. У этих людей в крови – подчиняться более сильному. Как в физическом, так и в умственном отношении.

Свое превосходство над Мисютиным я наглядно продемонстрировал, – и именно поэтому он пошел на сближение, стал рассказывать историю своей жизни.

«Его скудный мозг нуждается в подпитке извне, и эту подпитку придется обеспечивать мне».

Так наивно я полагал тогда.

Не менее наивен был мой сосед. Ведь он не предполагал, что очутился в этой камере только для того, чтобы познакомиться со мной. И суд неспроста оказался столь суровым, а только для того, чтобы принудить Барона искать пути сокращения назначенного «чрезмерного» и «несправедливого» срока. Путь исправления, образцового поведения в зоне его не прельстит – не та фигура. Остается одно – смыться. И легче всего сделать это на этапе. Или – в пересыльной тюрьме, какой для Сергея стали «Кресты». Именно отсюда совершит побег Мисютин. А я останусь в камере...

К сожалению, он еще ничего не знает о своей участи. Но у меня есть время для того, чтобы подвести его к такой мысли!

...Зимой мы ежедневно набегали на лыжах более пятидесяти километров, благо та зима в Казахстане выдалась на

редкость снежной, а едва потеплело – перешли на изнурительные марафоны. 42 километра я бегал ничуть не хуже любого участника международных соревнований. В таких условиях откажешься не только от салицилового спирта, но даже от более благородных напитков, если, конечно, не хочешь сдохнуть прямо во время занятий.

С конца апреля 1976 года начались тренировки под водой. Мы неоднократно переплывали Балхаш не только в самом узком месте, у поселка Саяк, но и там, где его ширина достигала максимума, почти восьмидесяти километров. Аппараты замкнутого регенеративного типа позволяли нам находиться под водой до восьми часов и погружаться на глубину до пятидесяти метров, но таких ям на Балхаше просто не было.

Наше вооружение состояло из автоматов для подводной стрельбы, так называемых АПС, и четырехствольных пистолетов. Они стреляли десятисантиметровыми иглами и легко поражали противника с расстояния десять – пятнадцать метров. Для бесшумной стрельбы с ближнего расстояния применялись глушители. Стреляли из мощных снайперских винтовок в светлое время суток, в сумерках и даже ночью, используя бывшие тогда еще в диковинку инфракрасные и оптические прицелы, в нынешнее время замененные лазерными.

Из холодного оружия мы всегда имели при себе обычный десантный нож и игольчатые кинжалы с газовыми баллончиками. Каждый курсант лихо орудовал ими, как на суше, так

и под водой.

Но основным нашим оружием все же оставались не ножи и автоматы, а мины, бомбы, торпеды...

Больших успехов я достиг в рукопашном бое. Среди нас были боксеры и дзюдоисты, самбисты и специалисты по восточным единоборствам. Синтез различных боевых искусств, культивируемый в нашем центре, дополнял и развивал навыки убийства, приобретенные курсантами в своих видах единоборств еще на гражданке.

Здесь я твердо и навсегда усвоил, что шаолинь-цюань, карате, кунг-фу, джиткундо и другие «до» хороши лишь для американских боевиков и прочей показухи, к настоящему смертельному бою они не имеют никакого отношения. Лучшее прямого и точного удара кулаком человечество не смогло придумать ничего. (Точного – значит, основанного на знании нескольких мест и участков тела, которые «отключают» самого сильного и закаленного противника.) А остальное... Пока такой «Брюс Ли» будет лететь на меня с выставленной вперед ногой, я успею увернуться и вырвать ему яйца. Учитывая то, что нас учили, заставляли и тренировали отрывать от живого тела целые куски мышц, сделать последнее будет совсем нетрудно. Большинство курсантов стало такими – умелыми и жестокими бойцами. Что тогда говорить о наших инструкторах, если, работая с ними в спарринге, курсант ставил перед собой единственную цель – не свалиться сразу с катушек, то бишь с ног!

Ты-то сам, читатель, никогда не задумывался над тем, почему японцы, с детства обучаемые всем этим премудростям в стиле айки-до или кекусин-рю, очертя голову давали стрекача, как только русские воины, набранные из числа совершенно не владеющих боевыми искусствами крестьян, переходили врукопашную? Или почему такие организованные и прекрасно обученные немцы как огня боялись русского штыка? Потому что «против лома нет приема», дорогой мой читатель.

«Если нет другого лома», – возразят мне «интеллектуалы», только где наберут столько ломов клятые империалисты? Это наше, исконно русское оружие!

Рукопашный бой, кроссы, подводная спецподготовка (теория и практика), история диверсионных подразделений, психология и... прыжки с парашютом. Без них «морскому дьяволу» никак нельзя.

Когда в январе я совершал свой первый ознакомительный прыжок с принудительным раскрытием – страху натерпелся немеряно. В «ЛИ-2», как в советской авиации называли американский «дуглас», нас было шестеро курсантов. И две девушки-парашютистки. Так сказать, для поднятия духа. Они выпрыгнули первыми, долго кувыркались в воздухе, что-то пели... Затем настала очередь курсантов-диверсантов, как нас в шутку называли летчики. И сразу вопли отчаяния разрезали салон самолета: «Не буду-у-у!!!» Это громила чуть ли не с центнер весом уперся ногами в раскрытый люк. По-

чему-то не желает прыгать в бездну. Мы все наседаем сзади. «А-а-а»... Крикун летит вниз, над ним мгновенно вспыхивает белоснежный купол. Следом строго по весу вылетают остальные...

Так вот. Тогда бы я ни за что не поверил, что вскоре стану заядлым парашютистом и в любую погоду, днем и ночью, без всякого страха буду успешно прыгать как с двухсот метров, так и со стратосферы. На воду, на горы, в пустыню. При этом точности нашего приземления могли бы позавидовать многие профессиональные спортсмены.

Прыжки неплохо оплачивались. 2.50 за первые пять, 1.50 – с шестого по десятый. Дальше, до сотого, – снова, как за первый. Учитывая, что в месяц я получал лишь три рубля восемьдесят копеек, это было хорошим подспорьем. Инструкторам вообще завидовали все. 10 рублей за прыжок, а оплачивается два прыжка в день. Всем бы так!

Марк Борисович Поровский из той же породы, что и Перфильев. Но он не маскируется и даже чуть бравирует своими сметливостью, акцентом и специфической изворотливостью, и этим, в числе прочего, вызывает симпатию. Маленький, плоский, вертлявый, как опарыш, внешне он очень напоминает Чарли Чаплина. Прицепить к нему усики а-ля Гитлер – и не отличишь от знаменитого комика.

Он, Марк Борисович, не слишком знаменит и не слишком удачлив, – не в последнюю очередь потому, что берется за трудные дела и помогает не самым богатым и влиятельным клиентам, но в общем-то работу свою знает, провалов за ним не случилось, «подставок» не устраивает, зато цепляется, как клещ, за малейшую возможность интерпретировать факты в интересах клиентов.

Конечно, я мог бы позволить себе пригласить более маститого защитника, но выпендриваться не стал – взял то, что давали. Помнится, первый вопрос следователя Перфильева был: «Вы имеете личного адвоката?» Услышав «нет», Яков Михайлович очень обрадовался и предложил услуги своего старого знакомого, видимо, прозябающего без практики. Я не протестовал. Знакомого так знакомого. Все равно, наше дело правое, мы победим!

Тем более, что заранее знал, кто этот знакомый будет и

чего от него можно ожидать...

Пятнадцатого января, в четверг, Поровский прикатился необычно рано. Мы с Мисютиным даже не успели как следует «насладиться» завтраком. Впрочем, Барон пообещал, что уже в обед братва доставит в камеру мешок со снедью и телевизор. Поживем – увидим.

Опять плетусь в следственный кабинет. На лице написано глубокое недовольство, будто меня оторвали от важной и серьезной работы, а не от скучного и однообразного времяпровождения в камере.

– Ну, что там еще? – спрашиваю с ходу.

– Яков Михайлович передал мне вашу просьбу о встрече. Говорят, вы какие-то претензии выдвигаете? Я бы этого не советовал делать. Ссориться со следствием опасно...

– Ни с кем я ссориться не намерен. А вам, мил человек, платить будет не следствие, а я. И чем успешнее вы будете проводить мою защиту – тем больше получите...

Адвокат заерзал на стуле. Мои речи сулили увеличение гонорара. Такая перспектива ему явно понравилась.

– На сколько я могу рассчитывать? – спросил Поровский после недолгих колебаний.

– Если вытянете меня отсюда в течение недели – на сумму с тремя нулями... В «капусте», естественно.

Яков Михайлович ненадолго задумался. Видимо, прикидывал свою прибыль.

Впал в раздумья и ваш покорный слуга: «Что я, дурень,

ляпнул, не подумавши?! Вдруг адвокат подсуетится и освободит меня уже завтра? Тогда крах всей затее! Нет, мне никак нельзя покидать камеру раньше Мисютина! Хотя... завтра пятница, затем два выходных. За это время я успею что-нибудь придумать...»

– Так на что вы жаловались? – Поровский вскочил со стула, намертво прикрученного к полу, и начал мерить шагами тусклый кабинет, мало чем отличающийся от тюремной камеры.

– На то, что содержат в одиночке...

– Насколько я знаю, эта проблема уже решена?

– Да. И на экспертизу.

– Чем она вас не удовлетворяет?

– Мне-то все равно, но вот суд она точно не устроит. Липа, дорогой Марк Борисович, стопроцентная липа!

Маленькие черные глазки Поровского расширились, уши наострились, он подобрался, как бы красноречиво говоря: «Я весь – внимание»; и я, не медля, удовлетворил любопытство своего защитника:

– Эксперты утверждают, что на пистолете обнаружили не только мои отпечатки, но и еще чьи-то.

– Правильно... Яков Михайлович считает, что это пальцы Изотова. В ближайшие дни его дактилоскопируют...

– Но почему-то в заключении ни слова не сказано о том, как они располагались! Вы сегодня же потребуете провести независимую экспертизу. Мои отпечатки найдут только на

стволе – я за это отвечаю. А Изотова – на рукояти! Надеюсь, вам ясно, что я не мог никому угрожать оружием, направив ствол на себя!

– Здорово! Я восхищен вами, Кирилл Филиппович. Только, может, не будем сразу же ссориться с господином следователем, а? Он по отношению к вам никаких предубеждений не питает. Он, точно так же как мы с вами, отнюдь не стремится держать в тюрьме невинного человека. Здесь наши с ним задачи совпадают. Главное – установить истину! Смею вас заверить, сообщая мы сделаем это! И очень, очень быстро!

Уж не от Перфильева ли он набрался таких старомодных словесных оборотов?

– Если вы считаете нужным – говорите Перфильеву.

– Так будет лучше. Уверяю вас, Яков Михайлович настоящий профессионал, и все будет сделано лучшим образом...

Я давно подозревал, что эта «сладкая парочка» работает в одной обойме. Поэтому, не раздумывая, дал согласие на ознакомление следователя с главным козырем своей защиты.

Впрочем, согласился бы я или нет, это все равно ничего бы не изменило. Хитрые глаза Поровского уже давно выказали его намерение немедленно бежать к следователю, чтобы поделиться ошеломляющей новостью: его подзащитный по главному пункту обвинения – невиновен, а главное, что совершенно убедительно сможет доказать это!

Тем лучше. Теперь им останется только подербанить между собой обещанную мною «штуку» и выпустить меня на во-

лю!

... Чуть больше двадцати лет назад, в середине июля, у нас состоялся «малый дембель».

«Дипломной работой» стала операция по форсированию Балхаша с последующим минированием учебных кораблей, причаливших к южному берегу озера, и «уничтожением» боевой ракетной части, расположенной близ поселка Караой.

В напарники мне определили курсанта Чалого, хотя вряд ли это была настоящая фамилия. Скорее, прозвище. Я, например, числился курсантом Кривоносом, но друг к другу мы обращались не по званиям и не по фамилиям, а лишь по кличкам. Моя, соответственно, была Шнобель. Как и псевдоним, ее мне дали за длинный и слегка искривленный нос. Честно говоря, никто из нас не знал настоящих званий своих товарищей, поэтому никто не обижался, если сегодня ставили одного старшим в паре, а завтра – другого. Только спустя много лет мне удастся установить, что в нашем центре обучались даже выпускники военных училищ. Правда, в других группах...

Мы ушли под воду чуть восточнее райцентра Балхаш, привычно переплыли через озеро. Но подобраться к объектам минирования сразу не смогли. Суда надежно охранялись морской пехотой, все пространство вокруг них тщательно просвечивалось прожекторами. На мелководье нас

легко могли обнаружить.

Как старший в паре, я должен был незамедлительно принять решение. Желательно – верное. И я решил пожертвовать напарником.

Вынырнув неподалеку от цели, Чалый сорвал с лица маску и стал размахивать руками, как тонущий. Несколько морских пехотинцев бросились к нему. Остальные ослабили бдительность, что позволило мне подобраться под днище и, спрятавшись за корпусом корабля, без риска наблюдать за происходящим на берегу.

«Бездыханного» диверсанта откачивали двое. Еще трое пехотинцев стояли рядом, держа наготове автоматы. Не уверен, что с холостыми патронами.

Развязка наступила мгновенно. Первый из оказывающих помощь «утопленнику» броском был отброшен в сторону, горло второго Чалый сильно передавил крепкой рукой и, используя парня в качестве живого щита, рванул на юг.

Их никто не преследовал, – таким было единственное требование диверсанта. Не выполнить его – значило обречь товарища на «неминуемую гибель».

Через полкилометра Чалый отпустит заложника и продолжит марш-бросок к поселку Караой, на северной окраине которого мы условились встретиться ровно в полночь.

Я тем временем завершил минирование и отправился следом за напарником.

Дальнейшее оказалось не столь сложным. Караул ракетчи-

ков мы разоружили в считанные секунды. Дежурившую смену заперли в «караулке» и пошли снимать действующие посты.

Беспечность, с которой несли службу ракетчики, поражала. На вопрос: «Стой, кто идет?», мы всегда отвечали: «Свои. Дай закурить». Этого оказывалось вполне достаточно, чтобы приблизиться к караульному и обезоружить его.

Вскоре с разных направлений подоспели наши товарищи. Ракетная часть была разоружена, ракеты «ликвидированы». Мы с Чалым были отмечены среди лучших. Нам, как, впрочем, и всем остальным курсантам группы, присвоили сержантские звания и... отправили для прохождения дальнейшей службы в Севастополь...

Когда я вернулся в камеру, Мисютин, сидя на нарах, запихивал за обе щеки бутерброд с пятимиллиметровым слоем масла и чуть ли не сантиметровым – красной икры.

– Бери, угощайся! Ребята раньше справились... В два часа обещают телик припереть... Знай наших, Тундра... Тьфу, Киря... Нет – Кирилл Филиппович! (Ему явно нравилось издеваться над моим именем.)

Я запустил руку в желтый полиэтиленовый пакет и выволок оттуда «ножку Буша», как в нашем городе называют куриные окорочка. Ножка была еще теплой, с ароматной хрустящей коркой, и я с великим наслаждением отправил ее в желудок.

Заботливая братва, конечно же, догадывалась, что в камере нет ножа, поэтому все было уже порезано: хлеб, мясо, колбаса. А икру, как я уже говорил, даже намазали на хлеб слоем, значительно превосходящим толщину самого хлеба. Я и на воле так не обжирался...

Эх, сюда бы еще картишки, мы бы с Бароном запекли такого «гусарика»!

Словно читая мои мысли, Мисютин спросил:

– Ты в шахматы играешь?

– Немного!

– Дневальный! – Барон забарабанил по оббитой жестью

двери, почему-то обзывая контролера на армейский манер. – Дневальный!

– Что тебе? – вскоре послышался голос с той стороны.

– Шахматы принеси!

Как ни странно, «вертухай» не только не обиделся на армейское обращение, но и поспешил выполнить просьбу! Спустя всего несколько минут в щель для подачи пищи, именуемую здесь «кормушкой», рука контролера протолкнула клетчатую картонку, обычно предназначающуюся для игры в шашки, и маленький пакетик с фигурками.

Доска, видимо, не полагается, чтобы мы не сделали «ухи-ухи», как «джентльмены удачи» из кинофильма.

...Сказав, что играю в шахматы лишь немного, я явно поскромничал. Приходилось играть немало и вполне успешно. Так получалось, что я никогда не ставил себе задачу достичь особых успехов в этом экзотическом, на мой взгляд, виде спорта, но перворазрядников обыгрывал довольно часто. Поэтому, расставляя фигурки, был уверен, что разгромлю соперника.

Но не тут-то было! Мисютин играл как бог! Иногда случалось, что он жертвовал мне фигуру, – но только для того, чтобы через несколько ходов объявить мат... А я думал, что у этого парня совсем нет мозгов!

Пытаюсь собраться с духом и оказать достойное сопротивление, но у меня не выходит ничего. Бесславно капитулирую пятый раз подряд и, чтобы утихомирить накатываю-

щеся раздражение, решаю прекратить борьбу:

– Все. Твоя взяла... С меня хватит!

Барон самодовольно улыбнулся:

– Давай я сыграю без одной ладьи. Только уже под интерес.

– На деньги, что ли? Так где их взять?

– Выйдешь – отдашь!

– А вдруг ты проиграешь?

– Тогда я отдам!

– Через семь лет?

– Ну ты, полегче... – отчего-то рассердился мой сокамерник. – Смотри, чтоб без штанов не остался!

Что-то он слишком уверен в себе! Может, Мисютин – только псевдоним Каспарова?

– И во сколько оценим партию? – интересуюсь нерешительно. За свои слова я привык отвечать, даже если обещание дано человеку, который... Короче – откуда я знаю, в каком масштабе денег оперирует Барон?

– Ты слабее – тебе и предлагать... – отвечает он без раздумий. Так, наверное, и в самом деле принято.

– Нет, лучше играем просто так!

– Никогда не говори такого в зоне! – Барон ехидно скорчил губы. – Просто так – означает играть на пидаря... Или хочешь, чтоб я тебя трахнул? Ты, случайно, не голубой?

Настала моя очередь возмущаться. Всего лишь за одну минуту Барон ознакомился со всем запасом моей «ненорма-

тивной» лексики, унаследованной от великого умельца Атикова. Интересно, жив ли еще мой первый армейский командир? Я сбросил с картонки фигурки и... рассмеялся.

Настоящая, крепкая шахматная доска пришлась бы кстати!

Угадав мои намерения, заржал и Мисютин!

Впервые между нами проскользнула искра взаимной симпатии, и мы оба стали громко хохотать. Да так, что всполошили всю тюрьму.

– Эй, с вами все в порядке?

Это бдительный контролер решил проверить, что на нас нашло, и поглядел в глазок.

Мы ничего не отвечали. Просто сидели, обнявшись, на нарах и заливисто смеялись. Весело и беззаботно.

...Если верить записи в военном билете, в Севастополе я прослужил шестнадцать месяцев. До 12 ноября 1977 года. Здесь я на время опять стал Кириллом Семеновым. Только не рядовым, а сержантом с замечательным денежным содержанием 13 рублей 80 копеек ежемесячно. Но недолго я тешился собственной фамилией и роскошным содержанием, которого при жизни на всем готовом и катастрофической нехватке свободного времени хватало на все про все. Только месяц, пока мы тренировались в дельфинарии. Да-да, в первом советском дельфинарии, в компании с веселым и умным зверьем...

Дело в том, что у американцев в те годы существовали программы по обучению животных борьбе с диверсантами. Двое советских «морских дьяволов» уже погибли, схватившись с ними во вьетнамской бухте Камрань.

В Севастопольском дельфинарии нас учили драться с прошедшими спецподготовку морскими животными.

Мне так и не придется встретиться с дельфинами в открытом бою, зато другим диверсантам в будущем эти тренировки ох как пригодятся! Все последующие попытки американцев применить боевых животных против нашего брата у берегов Никарагуа закончатся полным провалом и уничтожением последних. Сотни миллионов долларов вылетели

в трубу. Русские люди-«дельфины» оказались сильнее подлинных обитателей морских вод!

Здесь же, в Севастополе, среди бойцов отряда проводилась специализация по регионам предстоящей боевой деятельности. Мне досталась Южная и Юго-Западная Африка. Так что Севастополь вскоре на несколько лет останется для меня лишь портом приписки, местом, куда будут приходить родительские письма, а я буду находиться за тысячи миль от города «славы русских моряков», в основном у берегов Анголы.

В 1956 году в этой стране организовалось Народное движение за освобождение Анголы, выступившее против «тяжелого гнета» португальских колонизаторов. Надо сказать, не единственное национально-освободительное или сепаратистское в этой стране, но вроде самое массовое и уж во всяком случае принимающее околосаркастскую фразеологию. С 1965 года оно, как сообщал наш политпросвет, «возглавило вооруженную борьбу трудящихся этой многострадальной страны». Как водилось в те годы, при первом же обращении вождя группировки – неплохого, кстати, мужика, общались мы с ним, – Советский Союз не мог не помочь братскому народу. С широким привлечением братьев по соцлагерю. Здесь были чехи, болгары, наши и, конечно же, кубинцы; кажется, как раз по поводу Анголы пламенный Фидель впервые и сказал, что Куба – страна не просто американская, но афро-американская.

Поначалу это были «советники», армейцы и летчики из среднего офицерства с безукоризненными анкетами, военные переводчики, связисты; потом, когда ситуация стала покруче, потребовалось бросать на помощь африканским братьям элитные части. В семидесятые годы под видом охраны посольства сюда стали прибывать бойцы различных спецподразделений СССР и Кубы. Впрямую в военных действиях «наши» почти не принимали. Братская помощь выражалась в основном в поставках оружия и обучении партизан. У нас же были совершенно другие задачи – обезопасить от подводных диверсантов зачистившие сюда корабли с различной боевой техникой, чаще всего шедшие под либерийскими флагами.

Со времен первого нашествия в Африку русских моряков, описанного Новиковым-Прибоем в легендарной «Цусиме», прошло немало времени. Первопроходцы-соотечественники имели куда больше свободы, чем их потомки, представляющие первое в мире государство рабочих и крестьян. Туземки были от них в восторге! Помните: «Европейские женщины, предпочитая офицеров, лишь в исключительных случаях заводили знакомство с командой. На долю матросов оставались туземки... Некоторые туземцы радовались, когда к ним приходили белые гости. У них была одна забота – побольше получить денег... Пока какой-нибудь матрос оставался в хижине с мимолетной своей подругой, чернокожий сакалав, иногда муж ее, терпеливо сидел на страже и жевал от скуки

бетель».

Нас не то что к женщинам, – на берег не пускали. Видимо, боялись, что, измученные длительным воздержанием, мы развратим и обесчестим тех, кто сохранил добропорядочность после первого нашествия. Смею заверить – ничего подобного мы бы себе не позволили: слишком идейно подкованы были, патриотизм так и пер из-под гидрокостюмов. Нас готовили сражаться, а не любить женщин, и любой из «дьяволов», не раздумывая особо, готов был положить буйну головушку за социалистическую Родину, прихватив с собою в последний путь побольше голов с другою идейной начинкой... Я не шучу. И с нами в те годы шутить не рекомендовалось...

Дежурили мы в несколько смен. Две смены отдыхали в каютах какого-нибудь очередного военного корабля, посетившего с дружественным визитом западноафриканскую страну, одна несла дежурство под водой – как в заурядном карауле. Впрочем, и это было не развлечение в курортной местности. Вместо смуглокожих красавиц, оставивших кое-кому из сухопутной братии романтические воспоминания (и прозаические венерические болезни), нам однажды довелось повстречаться с южноафриканскими боевыми пловцами. К счастью, обе стороны не жаждали крови. Ножи были отброшены в сторону, остались только кулаки. А они у русских самые крепкие в мире. Что на воде, что под водой. В общем, навешали мы им основательно. Больше в охраняемый нами

порт никто не заплывал!

Впрочем, тот подводный кулачный бой мы, в отличие от южноафриканцев, воспринимали как всего лишь тренировку, показушное мероприятие. Если бы мы не были уверены в своей победе, то не подпустили бы противника так близко. Попросту расстреляли бы из АПС. С этим автоматом мы чувствовали себя под водой неуязвимыми. Подобного оружия до сих пор нет ни в одной стране мира!

Конечно, не все заканчивалось так мирно. Пришлось и убивать, но об этом мне вспоминать не хочется...

С годами пришло понимание того, что не Отчизне мы служили, а преступной правящей верхушке. Это она затеяла боины в Анголе и Афганистане, в Никарагуа и Чечне. Это она объявила весь мир зоной своих стратегических интересов и совала свой нос в азиатские и африканские страны, в Латинскую Америку и на Ближний Восток.

«Нос» – это образное выражение. Под ним подразумевались мы – бойцы спецподразделений. Мы верно служили этой самой верхушке. Почти все из нашего выпуска навсегда остались в ГРУ. Хорошая половина «осталась навсегда» в самом прямом смысле этого слова. Остальные продолжают служить. В том числе и ваш покорный слуга.

...Отгуляв месяц на гражданке по окончании срочной службы, я вернулся в Балхаш, где занимался подготовкой молодежи, заочно повышая собственную квалификацию в Академии ГРУ. В моем военном билете в то время было за-

писано: «присвоено звание прапорщик», но, как я уже говорил, в центре никто не знал званий ни курсантов, ни инструкторов. Практически не использовались и свои имена. Так что меня по-прежнему называли Шнобелем.

Теперь уже далеко не каждый салага мог устоять после нанесенного мной удара, да что там – удара, многие не выдерживали взгляда! Я делал из них головорезов, каким был сам. Делал настойчиво и рьяно. Ибо от качества моего обучения зависела их жизнь...

Так продолжалось два года. В 1979-м я получил приказ легализоваться под собственной фамилией в родном городе, устроиться на работу, завести семью. В общем, наслаждаться спокойной и мирной гражданской жизнью.

Хотя вряд ли можно назвать спокойной и мирной жизнь ВАГО – внутреннего агента глубокого оседания.

– Эй, вы, жрать будете? – спрашивает баландер, который конечно же знает, что мы получили передачку.

– Травись сам! – немедленно реагирует Барон.

Баландер довольно хмыкает и, гремя посудой, бредет дальше по коридору.

– Семенов, к следователю! – почти сразу же раздается властная команда.

Дверь приоткрывается, наполняя камеру относительно свежим воздухом. Как хочется, чтобы она подольше оставалась открытой! Но нет! Лязгает засов, и Барон остается один.

Ему уже не положено ни следователя, ни адвоката. Все это позади. Впереди лишь матушка-Сибирь, вонючий барак да фуфайка с номером. Если я, конечно, не осуществлю свой замысел...

Перфильев возбужден и взбудоражен. Его физиономия выражает лакейскую признательность.

– Спасибо, Кирилл Филиппович. Спасибо. Это правильно, что вы разрешили адвокату посвятить меня в ваши маленькие тайны...

Если Поровский напоминал мне Чарли Чаплина, то этот – не менее известного комика. Михаила Горбачева. Пухленький, упитанный, с большой лысиной на круглой голове. Так взглядом невольно и ищешь родимое пятно! Росточком

только поменьше и национальные черты определеннее...

Да, так отвечать я не торопился, только кивнул, подтверждая слова следователя.

Сообразив, что я не намерен ворочать даром языком, Перфильев продолжил:

– Итак, вы утверждаете, что даже не держали пистолет в руках? Только рванули за ствол?

– Ну конечно!

– И на рукояти ваших пальчиков того, не может быть?

– Абсолютно правильно, – кажется, я уже искренне заразился перфильевской фразеологией.

– Значит, что я должен предпринять? – возгласил Перфильев.

– Это вы у меня спрашиваете?

– Нет, я вслух размышляю, – честно признался генсекообразный следователь, – И не возникает сомнений, что я должен написать отношение экспертам, чтобы уточнили, где находятся ваши отпечатки, а где – Изотова...

– Соображаете, – не мог не признать я.

– И, если наша догадка подтвердится... – (Какое нахальство! Наша! А?!) —...ваша невинность будет практически доказана! – радостно сообщил следователь.

– Именно так.

– Кто же тогда владелец пистолета? Ты понимаешь что-нибудь? – внезапно и совершенно непринужденно переходя на «ты», спросил Перфильев.

– Нет.

– Мне этот «стечкин», вернее, его хозяин, просто позарез нужен! Гичковский – один из самых крупных и, заметь, последних авторитетов в «тамбовской» ОПГ...

– Что еще за ОПГ?

– Организованная преступная группировка. Если Барон, – кстати, это новый твой сосед, гражданин Мисютин, которого к тебе подселили...

– Мы уже знакомы!

– Ну да. Не перебивай. Если Барон у них самый главный контрразведчик, то Гичка считался основным организатором, так сказать, мозгом банды. Его, как это часто бывает, грохнули в подъезде собственного дома. Киллер был профессионалом. Два выстрела, второй контрольный, оба – смертельные. Но оружие, этот самый «стечкин», не выбросил, как многие его коллеги.

– Жалко «ствола» стало?

– Нет. Здесь другое. Он был уверен, что никто не станет искать пистолет!

– Почему?

– Потому что это был милиционер, Изотов! Точно – его работа. Завтра же снова допрошу всю эту четверку! Вы уж не обессудьте, Кирилл Филиппович, – вернулся к привычному обращению Перфильев, – но до понедельника придется побыть в тюрьме. Я лично уже уверен в вашей невиновности, но, знаете ли, не стоит торопить события...

– Вот-вот, не стоит. Нам сейчас так весело вдвоем.

Перфильев среагировал на иронию, – да и не мог не знать, что ни тюрьма вообще, ни мисютинская компания – это не те развлечения, которые хотелось бы продлить; но поскольку принять срочные меры к моему освобождению не входило в его планы, постарался уговорить, придав максимальную доверительность и убедительность тону:

– Эта четверка должна чувствовать себя в полной безопасности. Понимаешь, если они узнают – а они, к сожалению, узнают наверняка! – что ты освобожден, то примут какие-то меры... Посовещаются... Может, кто-то уедет... А так – ты сидишь под следствием, значит, с их точки зрения, все спокойно, все идет по плану... И я вызову их, чтобы уточнить лишь некоторые незначительные детали... Обычная формальность!

Как легко перескакивает господин Перфильев с «вы» на «ты» и наоборот!

Оба варианта обращения призваны подчеркнуть, оттенить колебания его настроения. Если надо унижить – «ты» произносится презрительно и брезгливо, если демонстрируется уважение – звучит заискивающее «вы».

Совершенно иные интонации вкладываются в эти местоимения, когда следователь хочет подчеркнуть доверительность беседы. Тогда «ты» произносится непринужденно, словно вы знакомы сто лет, а в этом разговоре являетесь не подследственным, а близким другом, в худшем случае – про-

сто приятным собеседником.

Слово «вы» зазвучит совершенно иначе, – обличительно-оскорбительно, если после него употребить существительные «подлец» или «негодяй».

«Вы подлец», – это совершенно не то, что «ты подлец», это намного страшнее, и горе вам, если такое обращение применит следователь...

Перфильев уже не хотел уличать меня в преступлении, которое я не совершал. Он просил совета – и доверительное обращение на «ты» призвано было подчеркнуть наше одинаковое положение, если хотите, даже равенство.

– В общем, потерпи еще пару дней, Кирилл Филиппович. На следующей неделе я тебя освобожу, возьмем Марка Борисовича и вместе отметим это радостное событие. Окей?

– Ладно, – вяло согласился я...

После двух лет примерной сверхсрочной службы я возвращался в родной город. Мой кошелек, вернее, выполняющий его роль кейс, только входящий в моду под названием «дипломат», был довольно туго набит новенькими хрустящими купюрами. В те годы мы зарабатывали неплохо. Да и родное Ведомство, как вы уже знаете, не поскупилось на подъемные...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.